

1 АПРѢЛЯ
1909 г.

ТУРКЕСТАНСКІЙ

№ 7-й.

изданія

СВЯТЫХ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

100% IV-й

ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна на годъ 6 рублей. Плата за объявленія въ официал. ч. 20 коп. въ неофициал. — 10 коп. за строку петита; за разсылку 100 объявленій 1 р. 50 к. Адресъ редакціи: Гор. Вѣрный, Семірѣченской области.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Редакціи.

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ЦИРКУЛЯРНО.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Туркестанской духовной Консисторіи. Причитамъ церквей Туркестанской епархіи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Туркестанская Духовная Консисторія слушала, сланное при резолюціи Его Преосвященства отъ 25 февраля сего 1909 г. за № 374 отношеніе Предсѣдателя Совѣта, сосоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ, отъ 5-го того-же февраля 1909 г. за № 586, слѣдующаго содержания: „Какъ извѣстно Вашему Преосвященству, еще въ 1881 году Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено было ежегодно производить сборъ пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ (недѣля 5я по Пасхѣ) во всѣхъ городскихъ и монастырскихъ церквахъ, затѣмъ, опредѣленіемъ отъ 28 апрѣля 1909 года, за № 2766, опубликованнымъ въ № 20, „Церковныхъ Вѣдомостей“ за тотъ же годъ, что 1) возникшее въ Россіи по волѣ и указаніямъ въ Возѣ почивающей ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ Попечительство о слѣпыхъ имѣеть не частное, но общегосударственное значеніе, 2) что попечительство это, поставивъ своею задачею, главнымъ образомъ, воспитаніе и обученіе слѣпыхъ доступнымъ имъ ремесламъ, въ цѣляхъ предоставленія имъ возможности жить самостоятельнымъ трудомъ, и предупрежденіе слѣпоты въ населеніи, постепенно расширяя свою дѣятельность, раскинуло сѣть своихъ учрежденій по всей Европейской и Азіатской Россіи, такъ что въ настоящее время Попечитель-

ствомъ учреждены 20 глазныхъ лѣчебницъ и кромѣ сего, за недостаткомъ средствъ открывать лѣчебницы повсюду, гдѣ въ нихъ ощущается надобность, попечительство командируетъ въ лѣтніе мѣсяцы, въ наиболѣе отдаленныя отъ центровъ мѣстности, глазные отряды въ составѣ врача-специалиста и одного или двухъ при немъ помощниковъ, а также способствуетъ возникновенію такъ называемыхъ глазныхъ пунктовъ, оказывая матеріальную по поддержку, по преимуществу, земскимъ врачамъ, получившимъ специальную по лѣченію глазныхъ бозѣзней подготовку, но неимѣющимъ возможности, за недостаткомъ средствъ, развить свою окулистическую дѣятельность, нашель, что столь широкая и разносторонняя, по преимуществу среди сельскаго населенія, дѣятельность попечительства даетъ ему право на сильную со стороны такового населенія лепту, и опредѣлить: разрѣшить Совѣту состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ производить на будущее время церковно-кружечный сборъ пожертвованій за богослуженіями въ теченіи недѣли о слѣпомъ не только въ городскихъ и монастырскихъ, но и въ сельскихъ церквахъ Россійской Имперіи. На основаніи этого разрѣшенія, Совѣтъ Попечительства возложилъ руководство и всѣ распоряженія по производству означеннаго сбора въ предстоящую недѣлю о слѣпомъ, съ 2 по 9 мая, во вѣренной Вашему Преосвященству епархіи на уполномоченнаго своего, Управляющаго акцизными сборами Туркестанскаго края, Закаспійской и Семирѣченской областей, статскаго совѣтника Афанасія Викторовича Бордоноса, предоставивъ ему какъ выборъ лицъ, завѣдывающихъ сборомъ въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ, и сборщиковъ въ каждомъ храмѣ, такъ и установленіе всѣхъ ближайшихъ подробностей этого дѣла. Сообщая о семъ Вашему Преосвященству, имѣю честь, отъ имени Совѣта попечительства ИМЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ, обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой не отказать въ Вашемъ милостивомъ и просвѣщенномъ содѣйствіи успѣшному осуществленію предполагаемаго сбора, служащаго однимъ изъ главныхъ источниковъ средствъ для содержанія учреждений Попечительства для слѣпыхъ и больныхъ глазами". Приказали: О вышеизложенномъ и дается сей указъ причтамъ церковей Туркестанской епархіи для надлежащаго, въ чемъ слѣдуетъ исполненія. Марта 12 дня 1909 г. № 1810 г. Вѣрный.

УЧРЕЖДЕНІЕ ПРИЧТА.

Указомъ Св. Синода, отъ 9 февраля с. г. за № 1468, при церкви выселка Подгорнаго, Джаркентскаго уѣзда, открыть самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псаломщика, съ содержаніемъ отъ казны: священнику 600 руб. и псаломщику 250 руб. въ годъ.

НАЗНАЧЕНІЯ.

Иеромонахъ Ювеналій (Ростовцевъ) назначенъ Его Преосвященствомъ настоятелемъ церкви пограничной стражи въ кишлакъ Сараѣ.

УТВЕРЖДЕНІЕ ВЪ ДОЛЖНОСТИ.

Крестьянинъ Іаковъ Бѣлоусовъ утвержденъ Его Преосвященствомъ въ должности церковнаго старосты церкви села Гавриловскаго, Копальскаго уѣзда, Семирѣченской области.

УВОЛЬНЕНІЕ ВЪ ОТПУСКЪ.

Священнику церкви села Константиновскаго, Семирѣченской области, о. Петру Кардасевичу, Туркестанскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшенъ 2-хъ мѣсячный отпускъ въ предѣлахъ Туркестанской епархіи.

Содержаніе официальной части. Указъ Духовной Консисторіи:—Учрежденіе причта.—Назначеніе.—Утвержденіе въ должности.—Увольненіе въ отпускъ.

Редакторъ официальной части, свящ. В. Антоновъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ, ВЫГНАННЫЙ БРАТЪ МОЙ!

«Христианинъ! Выгнали на улицу Христа, въ лазареты и больницы, наместо того, чтобы призвать Его къ себѣ въ домъ, подъ родную крышу свою, и думаютъ, что онъ христiane!»

Н. В. Гоголь.

Христосъ воскресе, выгнанный на улицу братъ мой!

Нѣсколько лѣтъ, вѣрнѣе— всю жизнь мою я не христосовался съ тобою; я съ презрѣньемъ проходилъ мимо тебя, съ омерзеньемъ смотрѣлъ на лохмотья твоей одежды, прятался отъ твоихъ умоляющихъ взоровъ, отвращалъ свой слухъ отъ твоихъ болѣзненныхъ стоновъ...

Я не вѣрилъ тебѣ... Я гналъ тебя все дальше и дальше отъ моего дома. Я платилъ всяческіе налоги на больницы, на пріюты, на концерты и балы, данные въ пользу твою... Я платилъ ихъ иногда со скрежетомъ зубнымъ, а иногда съ нескрываемымъ восторгомъ, лишь бы не видать тебя, выгнанный братъ мой, даже на порогѣ моего дома...

Бѣдный, выгнанный братъ мой! каюсь тебѣ я въ сей великій торжественный день... Я, именно я, а никто другой, а я, братъ твой родной во Христѣ, я не только гналъ тебя изъ своего дома, оберегая покой свой, но я, мало того, чрезъ твои рубища, чрезъ твои стоны и горячія слезы строилъ себѣ славу, тѣшилъ свою гордыню, приобретаая тѣмъ доброе имя.

Мнѣ стыдно себя... Мнѣ стыдно того, какъ я наканунѣ сего великаго дня съ сознаниемъ своего мнимаго достоинства вписалъ въ списокъ благотворенія бѣдныхъ свое имя, вписавъ въ него также гордо свои сребренники, не для того только, чтобы помочь тебѣ, а для того, чтобы еще дальше отдалить тебя отъ моего жилища и чтобы потѣшить свой взоръ и свое тщеславіе изображеніемъ въ печатномъ листкѣ моего имени...

Бѣдный, выгнанный братъ мой! Твое горе я еще разъ использовалъ въ этотъ великій день для того, чтобы вылить хоть каплю счастья въ свою и безъ того лучшую твою долю.

Выгнанный, братъ мой! Видѣлъ-ли ты, какъ я на быстрыхъ коняхъ, въ удобномъ экипажѣ, безумно гонялся въ этотъ день за своимъ тщеславіемъ, порхая съ беззаботной легкостью отъ дома къ

дому такихъ же самомнительныхъ счастливецъ, какъ и я самъ? Кого я ловиль, чего я искалъ? Тебя-ли, выгнанный братъ мой!

Нѣтъ!.. Я это бѣгалъ отъ тебя, мой несчастный изгнанникъ... Я тѣшилъ свое тщеславіе, безумно бросая за это десятки рублей, которыя я долженъ былъ отдать тебѣ... Отдать ни какъ милостыню, ни какъ пособіе на дальнѣйшій путь по дорогѣ твоей бѣдности, а я долженъ былъ ихъ отдать на устроеніе школъ, гдѣ ты могъ обучить себя тому, какъ избѣжать бѣдности, какъ избѣгнуть горькаго униженнаго положенія... Я долженъ былъ давно отдать ихъ на наемъ добраго учителя, котораго я по своей скардености, тоже морю голодомъ и извожу холодомъ все время, какъ только появился въ родной землѣ... учитель...

Но я предпочиталъ и предпочитаю бросить тебѣ свои сребреники теперь, когда ты отъ недостатка правильнаго духовнаго и физическаго воспитанія надѣлъ на себя рубище, и когда, собственно, эти жалкіе мои сребреники мало помогутъ тебѣ въ томъ, чтобы поправить ими твою горькую долю...

Бросить ихъ въ видѣ подачки, бросить въ то время, когда я бросаю одновременно на бѣгство отъ тебя же десятки рублей...

Бѣдный, братъ мой! Вотъ ты и сегодня снова стучишься ко мнѣ въ дверь...

Напрасно стучишь... Меня нѣтъ для тебя... Я уже убѣждалъ и бѣгу все дальше и дальше... Бѣгу и въ сегодняшній день Воскресенія Жизни*), когда я всего ближе долженъ стоять къ тебѣ...

Мнѣ стыдно... Краска заливаетъ мое лицо отъ этихъ воспоминаній, нѣтъ вѣрнѣе отъ—лицемѣрныхъ произношеній: «другъ друга обмемъ», послѣ которыхъ я тутъ-же... отвертываюсь отъ тебя, мой бѣдный изгнанникъ!.. Я оправдываю себя.. Я оправдываю себя также, какъ оправдывался, мнѣ подобный, словами Н. В. Гоголя 50 лѣтъ тому назадъ.

«Я не могу обнять этого человѣка, говорилъ онъ,—онъ мерзокъ, онъ подлъ душою, онъ запятналъ себя безчестнѣйшимъ поступкомъ; я не пушу этого человѣка даже въ переднюю свою; я даже не хочу дышать однимъ воздухомъ съ нимъ; я слѣлаю кругъ для того, чтобы объѣхать его и не встрѣчаться съ нимъ. Я не могу жить съ подлыми и презрѣнными людьми... Неужели мнѣ обнять такого человѣка, какъ брата?..

«Увы! Позабылъ бѣдный человѣкъ девятнадцатаго вѣка, что въ этотъ день нѣтъ ни подлыхъ, ни презрѣнныхъ людей, но всѣ люди братья той-же семьи, и всякому человѣку имя братъ, а не какое либо другое».

«Все разомъ и вдругъ имъ позабыто: позабыто, что можетъ

*) „Я есмь воскресеніе и жизнь“... (Іоан. XI, 25.)

быть, затѣмъ именно окружили его презрѣнные и подлые люди, чтобы, взглянувши на нихъ, взглянулъ онъ на себя и искалъ-бы въ себѣ того-же самага, чего такъ испугался въ другихъ».

«Позабыто, что онъ самъ можетъ на всякомъ шагу, даже не примѣтивъ того самъ, сдѣлать тоже подлое дѣло, хотя въ другомъ только видѣ,—въ видѣ не пораженнымъ публичнымъ позоромъ, но которое, однако-же, выражаясь пословицею, есть тотъ-же блинъ, только на другомъ блюдѣ».

«Все позабыто! Позабыто имъ то, что, можетъ быть, оттого развелось много подлыхъ и презрѣнныхъ людей, что сурово и безчеловѣчно ихъ оттолкнули лучшіе прекраснѣйшіе люди и тѣмъ заставили пуше ожесточиться. Будто бы легко выносить въ себѣ презрѣныя! Богъ въстѣ, можетъ быть, иной совсѣмъ не рожденъ былъ безчестнымъ человѣкомъ; можетъ быть, бѣдная душа его, безсильная сражаться съ соблазнами, просила и молила о помощи, и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостью душевною, поддержалъ бы ее на краю пропасти; можетъ быть, одной капли любви къ нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто-бы дорогою любви было трудно достигнуть къ его сердцу! Будто уже до того окамѣнела въ немъ природа, что никакое чувство не могло въ немъ пошевелиться, когда и разбойникъ благодаренъ за любовь, когда и звѣрь помнитъ ласкавшую его руку! Но все позабыто человѣкомъ девятнадцатаго вѣка, и отталкиваетъ онъ отъ себя брата, какъ богачъ отталкиваетъ покрытаго гноемъ нишаго отъ великолѣпнаго крыльца своего. Ему нѣтъ дѣла до страданія его; ему бы только не видать гноя ранъ его. Онъ даже не хочетъ услышать исповѣди его, боясь, чтобы не поразилось обоняніе его смраднымъ дыханіемъ устъ несчастнаго, гордый дыханіемъ чистоты своей.

Такому-ли человѣку воспрядновать праздникъ небесной любви»*)».

Такъ стонала лучшая человѣческая мысль, въ пресвѣтлый день сего великаго праздника жизни, такъ стонало лучшее человѣческое сердце полвѣка тому назадъ въ груди лучшаго христіанина того времени Н. В. Гоголя... Такъ стонетъ оно и теперь въ двадцатомъ столѣтіи, стонетъ у того, который еще можетъ видѣть, что выгнанный братъ нашъ не только не вошелъ къ намъ въ покой, но еще дальше мы отогнали его своей погоней за призрачнымъ счастьемъ, за своимъ быстро исчезающимъ покоемъ!..“

Но зачѣмъ-же этотъ праздникъ, зачѣмъ торжественные гимны — «другъ друга обьемемъ», когда мы этого сдѣлать не можемъ?

«Зачѣмъ этотъ (утратившій значеніе) праздникъ, продолжимъ

---

*) См. „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Н. В. Гоголя“; томъ V, ред. Н. С. Тихомирова, изд. А. Ф. Маркса, 1894 года, стр. 237.

мы свои вопли словами Н. В. Гоголя? Зачѣмъ онъ (вновь) приходитъ (глуше и глуше) скликать въ одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувши всѣхъ, уходитъ какъ незнакомый и чужой всѣмъ? Всѣмъ-ли онъ точно незнакомъ и чуждъ? Но зачѣмъ-же уцѣлѣли кое-гдѣ люди, которымъ кажется, какъ-бы они свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое младенчество,—то младенчество, отъ котораго небесное лобзаніе, какъ-бы лобзаніе вѣчной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратилъ гордый нынѣшній человѣкъ?

Зачѣмъ еще не забылъ человѣкъ навѣки это младенчество?.. Зачѣмъ все это и къ чему это? Будто неизвѣстно, зачѣмъ? Будто не видно къ чему? Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ еще слышать весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ ангелу на небѣ, и, завопивъ раздрающимъ сердце воплемъ упали-бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряда другихъ дней, одинъ-бы день только провести не въ обычаяхъ девятнадцатаго вѣка, но въ обычаяхъ вѣчнаго вѣка, въ одинъ день только обнять и обхватить человѣка, какъ виноватый другъ обнимаетъ великодушнаго, все ему простившаго друга, хотя-бы только затѣмъ, чтобы завтра-же оттолкнуть его отъ себя и сказать ему, что онъ намъ чужой и незнакомый.

Хотя-бы только пожелать такъ, хотя-бы только насильно заставить себя это сдѣлать, ухватиться бы за это, какъ утопающій хватается за соломинку.

Богъ вѣсть, можетъ быть, за одно это желаніе уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянуться рука, помогающая взлетѣть по ней.

Но и одного дня не хочетъ провести такъ человѣкъ девятнадцатаго вѣка! И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; и черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ... Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!» (Стр. 242).

Но все-же, Христось воскресе, выгнанный братъ мой!

Позволь-же мнѣ, мой бѣдный изгнанникъ, хоть издали послать тебѣ мое пасхальное лобзаніе.

Повѣрь, мнѣ, что я посылаю тебѣ это лобзаніе не какъ Иуда, но какъ раскаявшійся разбойникъ!

Я цѣлую тебя, мой бѣдный братъ, съ надеждой, что будетъ-же когда нибудь то золотое время, когда въ христіанскомъ царствѣ не будетъ изгнаннаго брата, когда христіанинъ христіанину будетъ посылать братскія лобзанія не только въ свѣтлый день Воскресенія Жизни, а во всю свою земную жизнь!..

Будь-же счастливъ, братъ мой!

Христось воскресе!

ВЪРНЕНСКІЙ ИВЕРСКО-СЕРАФИМОВСКІЙ ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Продолженіе).

**Браткая бесѣда
основателя оби-
тели.**

Послѣ окончанія божественной литургіи, преосвященнымъ основателемъ обители, въ сослуженіи предсѣдателя комитета, эконома и ризничаго архіерейскаго дома, былъ отслуженъ благодарственный Господу Богу молебенъ. Предъ молебствіемъ его преосвященство, обращаясь исключительно къ сестрамъ обители, сказалъ назидательное слово, въ которомъ просилъ сестеръ больше всего хранить миръ и любовь между собою, свято блюсти завѣты церковные и обѣты монашескіе.

Сестрамъ, исполняющимъ свои обѣты, преосвященный обѣщалъ по слову Господню совершеніе всѣхъ чаяній и пожелалъ благихъ успѣховъ въ подвигахъ, а нарушительницамъ иноческихъ обѣтовъ— грозилъ велицепріятнымъ судомъ Божиимъ. Въ своей рѣчи преосвященный сравнилъ иноковъ, оставившихъ міръ съ его прелестями и перешедшими къ новой благодатной жизни, съ евреями, оставившими Египетъ съ его котлами, полными явствъ и перешедшими за Иорданъ въ землю обѣтованій. Указавъ слушательницамъ на тѣ благословія, которыя Богъ ниспослеть имъ въ новой благодатной жизни за исполненіе обѣтовъ, владыка заключилъ свое слово указаніями на тѣ проклятія, которыя низведутъ онѣ на себя сами, если окажутся ихъ нарушителями.

Для большей наглядности и укрѣпленія въ сердцахъ слушательницъ высказанныхъ имъ истинъ, преосвященный проповѣдникъ привелъ всѣ тѣ мѣста изъ Второзаконія, гдѣ записаны благословія обѣщанныхъ Израилю за его жизнь за Иорданомъ и—проклятія—за ихъ нарушеніе.

Послѣ слова преосвященнаго и съ его благословія, предсѣдатель комитета прочиталъ указъ св. синода объ открытіи общины.

Вечеря любви.

Соржество открытія общины закончилось скромной трапезой, собранной въ покояхъ (состоящихъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ) первой настоятельницы общины, монахини Паисіи.

На обѣдѣ изволилъ присутствовать преосвященный Димитрій, монастырскій строительный комитетъ и нѣкоторые жертвователи, строящейся обители.

Застольныхъ рѣчей не было, но всѣ присутствовавшіе и безъ словъ, мысленно, желали успѣха юной обители и всѣхъ благъ ея основателю, преосвященному Димитрію.

Владыка думъ. *М*облагодаривъ Бога, за желательное завершѣніе добраго дѣла, мы сказали: «свершилось»... Свершилось то, о чемъ такъ долго и такъ много говорилось, изъ за чего горѣли страсти, изъ за чего такъ много пришлось выслушать глумленій и насмѣшекъ, начиная съ думскаго зала, въ которомъ съ хрипомъ раздавались желчныя рѣчи на модныя темы о «тунеядствѣ» обителѣй и кончая злораднымъ смѣхомъ дикаго довольства, о которомъ много писали въ письмахъ предсѣдателю комитета ненавистники новой обители...

Но и по завершѣніи нашего дѣла актомъ открытія общины, мы, конечно, далеки отъ мысли праздновать окончательную побѣду надъ тайными и явными врагами обителѣй.

Побѣда наша чолной будетъ тогда только, когда исполнятся наши надежды, которыя возлагаются на эту новую школу благочестія...

Полной побѣдой наша побѣда будетъ тогда, когда новая обитель будетъ, какъ это бывало въ святую старину, будетъ «владыкой думъ»... Владыкой думъ окружающаго населенія...

Много владычествъ на бѣломъ свѣтѣ, но всѣ онѣ ничто въ сравненіи съ владычествомъ думъ человѣческихъ. Всѣ владычества міра сего, какъ-бы онѣ могущественны не были, — скудельны, скоропреходящи... Гдѣ слава, сила и могущество владыкъ хвастливой Ассиріи, гордаго Вавилона, деспотическаго Египта, очаровательной Греціи, жестокаго Рима?.. Все прошло, все исчезло во мракъ времени...

«Я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Иерусалимѣ... И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Иерусалимѣ... И вотъ, все—суета суеть, все суета!» (Екл. I, 12; II, 11).

Прошло, какъ сонъ, мірское владычество Соломона, но Екклезіастъ, владыка думъ, и до сихъ поръ владычествуетъ надъ сердцами человѣческими: «Бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка» (Екл. XII, 13), сказалъ онъ въ заключеніи.

И тотъ человѣкъ, который сдумѣтъ эту заповѣдь сдѣлать постояннымъ свѣтильникомъ въ жизни своей, «свѣтомъ ногамъ своимъ», который сдумѣтъ вдохнуть въ окружающую его среду любовь и неизсякаемое стремленіе жить по этому золотому правилу Екклесіаста, который овладѣетъ этой величайшей мудростью изъ всѣхъ премудростей человѣческихъ, тотъ человѣкъ можетъ быть только истиннымъ владыкой думъ человѣческихъ...

Такое только владычество, которое можетъ управлять думами человѣческими, вѣчно и истинно. И оно только одно ведетъ міръ въ Божье Царство, гдѣ «правда живетъ», гдѣ обитаютъ истинная свобода и святое содружество, т. е. братство и равенство во Христвѣ...

Вотъ къ этому-то владычеству, къ владычеству думами человѣческими, пусть во всѣ дни жизни своей стремится и наша новая обитель. Мы вѣримъ, что она сдѣлается таковой... Она должна быть таковой... Если-бы мы не вѣрили въ это, то и не понесли-бы трудовъ на ея устроеніе.

Теперь она еще юна и слаба и, конечно, не въ силахъ еще бороться съ сильными вѣтрами лжеименнаго разума. Но, хочется вѣрить, что когда она окрѣпнетъ, тогда и она будетъ подобно многимъ дубамъ, надъ которыми безслѣдно проносятся злыя бури и которымъ они въ самыя опасныя моменты своей жизни жертвуютъ иногда только той или иной своей вѣтвью...

Несомнѣнно и надъ этой обителью пронесется много бурь. Много вѣтокъ потеряетъ и она въ своихъ неравныхъ бояхъ съ бурями страстей человѣческихъ; но она останется цѣлой и невредимой, какъ морская скала среди разъяренныхъ морскихъ волнъ, если будетъ слушаться Екклезіаста, если на всѣхъ ея дѣяніяхъ будетъ написано, что всѣ ея обитательницы живутъ и дѣлаютъ только для того, чтобы подчинить влиянію своихъ думъ, заставить окружающее человечество дѣлать то, «что все для человека», т. е. «бояться Бога и заповѣди Его соблюдать».

Владыка лжи. Въ настоящее время на тронъ «владыки думъ человѣческихъ» самовольно и дерзко забрался «владыка лжи». Подъ этимъ титуломъ мы разумѣемъ ученіе социаль-демократовъ, трубящихъ съ грубой циничностью громко, что только оно одно можетъ быть «владыкой думъ», потому что яко-бы ему одному, — этому лживому ученію — принадлежитъ истинное пониманіе свободы, равенства и братства, самыхъ лучшихъ цѣнностей въ міровомъ богатствѣ человѣка.

Прочитавши въ рѣчи одного изъ вождей социализма лживое сообщеніе, что будто бы социализму принадлежитъ честь перваго проведенія въ міровую жизнь правильныхъ понятій о «свободѣ, равенствѣ и братствѣ», что только социализму принадлежитъ будущее, что только это ученіе вѣчно, — у меня невольно вырвалось изъ устъ, «владыка лжи»...

Какого-же иного названія заслуживаютъ проповѣдники социализма, эти явные лжецы, пользующіеся народнымъ невѣжествомъ и объявляющіе себя владыками того ученія, которое они сами похитили у христіанъ и въ искаженномъ видѣ выдаютъ за свое?

Одинъ отвѣтъ: владыками лжи. Доказать, что социалисты и ихъ вожди — «владыки лжи», не трудно.

«Дѣти Божьи и дѣти діавола (отца лжи) узнаются такъ: всякій не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, равно и не любящій брата своего.

Ибо таково благовѣтствованіе, чтобы мы любили другъ друга и не такъ, какъ Каинъ, который былъ отъ лукаваго и убилъ брата своего. А за что убилъ? За то, что дѣла его были злы, а дѣла брата его праведны»^{*)}.

Эти слова говорятъ намъ, что любовь социалистовъ—Каинова любовь. По ихъ ученію жизнь и счастье принадлежатъ только социалистамъ, а противникамъ ихъ—смерть, безпощадное истребленіе.

Христось-же, призывая всѣхъ къ свободѣ, равенству и братству, зоветъ любовно и о тѣхъ, которые не идутъ къ нему свободно, Онъ молится Богу Отцу своему, чтобы всѣ были едино, посылая приглашать особыхъ проповѣдниковъ, обязанныхъ дѣлать свое великое дѣло въ мирѣ и любви.

«Да будетъ едино, молился Христось къ Богу Отцу Своему, какъ Мы едино.—Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ; да будутъ совершенны во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ меня и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня»^{**}).

Ученикамъ-же Онъ сказалъ: «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто душу свою положить за друзей своихъ Вы друзья мои...»^{***}).

Гдѣ, въ какомъ ученіи человѣческомъ, можно найти совершеннѣе ученіе о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, какое намъ далъ Спаситель?

«Да будутъ едино, какъ Мы едино»... Такое высокое ученіе о человѣческой свободѣ и братствѣ совершенно чуждо социалистамъ.

Это «единство» предполагаетъ такую совершенную свободу, такое совершенное равенство и братство всѣхъ людей, о которомъ вожди социализма не только не помышляютъ, но считаютъ вреднымъ для достиженія своихъ цѣлей.

Христіанинъ, слѣдуя ученію своего Спасителя, во имя того «единства», къ которому призываетъ Онъ всѣхъ, во имя того всемірнаго братства, о которомъ Онъ молился въ своей первосвященнической молитвѣ,—христіанинъ даже и социалиста, своего кровнаго врага (по заповѣди: «любите и враговъ вашихъ»^{****}) можетъ любить братскою любовью.

Настоящій-же социалистъ никогда не полюбитъ христіанина...

«Бей, души ихъ злодѣевъ проклятыхъ»...

Такъ поетъ социализмъ.

Вотъ вамъ первое различіе социалистическаго ученія отъ ученія Христова о свободѣ, братствѣ и равенствѣ.

У христіанъ нѣтъ самарянъ, у социалистовъ-же, какъ у гордыхъ и лицемѣрныхъ фарисеевъ, всѣ самаряне, кто не раздѣляетъ ихъ ученія.

*) Иоан. III; 10, 11. **) Иоан. XVII; 22, 23. ***) Иоан. XV; 12—14. ****) Мѡ. V; 44.

«Всякое дерево познается по плоду своему»*), сказали Господь, и различіе ученій христіанскаго и социалистическаго, всего лучше можетъ быть познано чрезъ сравненіе жизни ихъ учителей.

Христосъ, давшій міру истинныя понятія о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Самъ показалъ не только личный примѣръ омыванія ногъ другъ другу, но и запечатлѣлъ свое ученіе безпримѣрной Голгофской жертвой.

Тоже самое показали въ своей жизни и всѣ Его ученики.

И въ наши дни на каждомъ шагѣ въ каждомъ христіанскомъ обществѣ такъ часты жертвы, принесенныя за сохраненіе въ мірѣ евангельскаго пониманія свободъ, равенства и братства, что ихъ замѣчаютъ даже и не христіане.

Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ среди социалистическихъ вождей.

Достаточно прочитатъ замѣтку: «Какъ живутъ вожди социализма», напечатанную въ парижской газетѣ «Le Temps», чтобы убѣдиться въ томъ, что вожди социализма воистину — «владыки лжи», и что ученіе и жизнь ихъ недостойна даже и сравненія не только съ ученіемъ и жизнью Христовой, но и съ жизнью самаго маленькаго незамѣтнаго и неученаго христіанина.

Какъ живутъ владыки лжи. Парижская газета «Le Temps» напечатала статисти-

ческие данныя объ имущественномъ положеніи вождей французскаго социализма. Эта статистика интересна какъ доказательство, что социалистская пропаганда представляетъ собою очень выгодную аферу; тѣ люди, которые выбрали себѣ девизомъ «гибель дворцамъ, да здравствуютъ хижины», сами, однако, живутъ вовсе не въ хижинахъ и не пренебрегаютъ житейскими благами и даже титулами.

Ярый социалистъ и бывший министръ Мильеранъ носитъ титулъ барона, дарованный ему австрійскимъ императоромъ, вмѣстѣ съ австрійскимъ орденомъ за услуги, оказанныя имъ Габсбургской монархіи во время его министерской дѣятельности; онъ занимается адвокатурой и получаетъ 150 тыс. франковъ въ годъ.

Еще болѣе свирѣпый социалистъ Жеро-Ришаръ имѣетъ на берегу Лауры роскошный замокъ, два дома въ Парижѣ и пай въ 300.000 франковъ въ игорномъ домѣ въ Монтѣ-Карло и, кромѣ того, онъ издаетъ распространенную социалистическую газету.

Жоресъ имѣетъ 12.000 франковъ годового дохода и большое помѣстье въ Бессулѣ.

Эдуардъ Вильямъ — миллионеръ и имѣетъ 2 роскошныхъ дома въ Парижѣ, при чемъ взимаетъ со всѣхъ жильцовъ неизменно высокую квартирную плату, очень исправно выселяя «благородныхъ пролетаріевъ и рабочихъ» за невзносъ таковой.

*) Лук. VI, 44.

Лафаргъ имѣеть 120.000 фр. годового дохода и половину авторскихъ правъ своего тещя, Карла Маркса.

Извѣстный Сейма—самый богатый изъ всѣхъ социалистовъ, потому что онъ имѣеть состояніе въ нѣсколько милліоновъ; этотъ проповѣдникъ раздѣла имущества отличается большимъ лицемѣріемъ: своихъ избирателей онъ принимаетъ въ нищенскомъ жилищѣ, а не на улицѣ Сольферино, гдѣ его квартира обставлена съ необыкновенной пышностью.

Извѣстные вожаки каменно-угольныхъ рабочихъ—Бали и Леманденъ также люди состоятельные; они забавляются, какъ «гнусные буржуа и аристократы», поѣздками на охоту и воспитываютъ своихъ дѣтей «на благородную ногу».

Таковы въ своей частной жизни тѣ самые люди, которые проповѣдуютъ братское раздѣленіе имущества и *истребленіе* «разжившихъ буржуа»*).

Что-же сказать о социалистахъ. Одно, гдѣ лицемѣріе, тамъ нѣтъ свободы, братства и равенства. Тамъ все ложь.

Христіанинъ готовъ принести себя въ жертву во всякое время, какъ только потребуеть этаго отъ него спасеніе своей души, чтобы сдѣлать ее вѣчной обитательницей Божьяго Царства. Социалистъ же приноситъ себя въ жертву только тогда, когда его жертва общаетъ земныя выгоды, когда ее нельзя избѣжать и когда вмѣсто себя нельзя подставить спину другого.

Да иначе и быть не можетъ въ царствѣ лжи...

Товарищи на ложь. Социалисты называютъ себя и своихъ послѣдователей «товарищами»...

Казалось-бы, что-же можетъ быть обиднаго для человѣка въ этомъ кличѣ, говорящемъ о человѣческой дружбѣ...

Но въ томъ и дѣло, что кличъ этотъ говоритъ далеко не о дружбѣ человѣческой, когда онъ выходитъ изъ устъ социалистовъ.

Когда я слышу этотъ кличъ изъ устъ социалиста, то какой-то внутренней голосъ мнѣ всегда передаетъ его съ неизбѣжнымъ дополненіемъ: «товарищъ, бросимъ бомбу подъ ноги ближнему»...

Социалистическаго товарищества я иначе не могу и представить, какъ «товарищества на метаніе бомбъ», какъ товарищества на завѣдомый обманъ, на завѣдную ложь.

Для христіанина весь міръ братская, дружеская семья...

Для социалиста—міръ дѣлится на двѣ половины: первая назначенная для счастья и наслажденья, это «товарищи», обязанные идти къ своей цѣли по трупамъ второй половины, къ которой принадлежатъ не вошедшее въ это товарищество и обреченной, если и

*) „Соврем. Лѣтоп.“

она не запишется «въ товарищество», на смерть, или въ лучшемъ смыслѣ—на вѣчное рабство все тѣмъ-же «товарищамъ».

«Пока я говорю, пишу, живу, дышу, я не измѣнюсь, сказалъ отецъ социализма Бебель въ Дрезденѣ. Я буду смертельнымъ врагомъ современнаго государственнаго строя; пока я живу и существую, я не перестану подкапываться *подъ его право на существованіе*; и, если могу, я уничтожу это государство».

Вотъ рѣчь «товарища»...

«Эта честность, говоритъ П. Леманъ, должна быть открыто признана,—а потому—честность за честности!»

Такой противникъ долженъ быть разбитъ, но, конечно, не «по товарищески»,—бомбой, а вѣрностью евангельскому учению, или онъ побѣдитъ; одно изъ двухъ*).

Въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ о социаль-демократическомъ ученіи и «товарищахъ», приведенныхъ на этихъ страницахъ, я не имѣлъ ввиду знакомить читателя съ основами социаль-демократическаго ученія, а потому коснулся его кратко, коснулся по нуждѣ и потому именно, что наши обители, эти воистину христіанскія содружества, должны бороться всѣми силами съ врагами христіанской свободы и дружбы—социаль-демократами. Борются не однимъ словомъ, но и самымъ примѣромъ, своей жизнью.

Христіанскія монастырскія общины—самые опасные враги социализма, если только онѣ будутъ бодро стоять на высотѣ своего великаго призванія, на доблестной стражѣ охраны чистоты евангельскаго ученія.

Печать Каина. Рѣчь таить, что далеко не всѣ наши обители по своей внутренней жизни могутъ служить образцами евангельской свободы, равенства и братства. Далеко не всѣ онѣ представляютъ изъ себя образцы христіанскаго содружества. Но это не евангельская вина. Это вина отдѣльныхъ личностей, корыстно взявшихся за орало на нивѣ Божьей и оглядывающихся вспять даже и тамъ, гдѣ ихъ ожидаетъ судьба жены Лотовой.

Но печать Каина, рѣзко оттѣняющаяся на лицахъ измѣнниковъ объѣта иноческаго, всегда указываетъ христіанамъ на ту кару, которую посылаетъ небо всѣмъ духовнымъ братоубійцамъ, убивающимъ своей измѣной Христу многихъ немощныхъ братьевъ.

Ихъ окаменѣлыя въ духовной гордости фигуры пугаютъ и отгоняютъ отъ себя ищущихъ христіанскаго подвижничества также, какъ соляной столпъ жены Лотовой пугалъ въ ночную пору дикаго сына пустыни.

Около этихъ духовныхъ мертвецовъ, на которыхъ указывалъ

* Будущій с. д. строй. П. Леманъ, стр. 15.

Самъ Спаситель*), не соберется христіанское содружество, они осуждены на одиночество самимъ небомъ, а потому среди нихъ и нечего искать примѣровъ христіанской жизни, христіанскаго содружества.

Объ нихъ и говорить не будемъ.

Мы будемъ заглядывать въ тѣ обители, гдѣ подвижники также многочисленны, какъ пчелы на хорошей пасѣкѣ, и гдѣ они также крѣпко пѣпляются другъ за друга и за своего настоятеля, какъ рой пчелиный за свою матку.

Опустѣвшій монастырь всегда говоритъ о томъ, что онъ опустѣлъ отъ того, что обитатели его забыли иноческіе обѣты, что имъ правила вожди, внесшіе въ обитель мірское раздѣленіе.

Опустѣвшій монастырь напоминаетъ опустѣвшій пчельникъ.

Пчельникъ погибаетъ вмѣстѣ съ погибелюю матки. Погибаетъ и монастырь, у котораго настоятель похоронилъ въ своей гордынѣ евангельскую дружбу, мать житія иноческаго.

Мы не будемъ искать примѣровъ дружбы въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ настоятели вмѣсто одежды смиренія облеклись въ одежды мягкія, въ атласныя мантии, украшая себя не присвоенными имъ багряными скрижалями, хвалящіяся мишурнымъ блескомъ своихъ многочисленныхъ крестовъ, гдѣ послушаніе личному произволу замѣнило послушаніе Христу.

Тамъ нечего искать христіанскаго братства. Тамъ міръ и все мірское и оттуда бѣгутъ искатели Бога. Тамъ остаются искатели... суеты...

Молю, Дѣво, да за молитвы преподобныхъ отецъ нашихъ устроится обитель сія такъ, какъ требуетъ того любовь Сына Твоего и Бога Нашего, чтобы всякій путникъ, пожившій здѣсь хоть-бы и одинъ день своего бытія сказалъ: вотъ здѣсь живетъ Христось, здѣсь живетъ христіанская любовь и дружба!..

Христіанская дружба. *Н*ижка эта хоть на короткое время все-же задержится въ рукахъ будущихъ сестеръ вѣрненской обители.

Какъ-бы я хотѣлъ, чтобы онѣ прочитывали иногда хоть эту маленькую главку о христіанской дружбѣ, которой живутъ всѣ наши лучшія обители, которая является самымъ крѣпкимъ связующимъ звѣномъ въ христіанскомъ братствѣ, которая разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія о равенствѣ и яснѣ представляетъ христіанскую свободу.

Это не мои слова. Это слова одной христіанской женщины-профессора Анны Робертсонъ Браунъ, которая она сказала въ Оксфордѣ къ женщинамъ-студенткамъ**).

*) Лук. IX, 60.

**) What is worth while? „Христіанинъ“, январь. Рѣчь А. Браунъ передается здѣсь въ выдержкахъ.

«Будемъ дорожить дружбой. Я думала раньше, что дружба— счастье. Теперь я думаю, что дружба— это дисциплина. Какъ ни ищи, никогда не найдешь себѣ друга безъ недостатковъ. Въ каждомъ изъ насъ неизбѣжно есть черты, привычки, свойства, которыя раздражаютъ и огорчаютъ другихъ, которыя неприятны другому. Сколько бы и сами мы ни старались, намъ никогда не осуществить идеала, существующаго въ представленіи нашего друга. Неизбѣжно всѣ мы оказываемся неудовлетворяющими запросамъ родной души. Но это еще не причина отказываться отъ дружбы.

Если судьба дала вамъ друга, знайте, что это самый цѣнный, самый отраднѣйшій даръ жизни. Быть чѣмъ-нибудь другомъ значить серьезно и нѣжно воспитывать изо дня въ день чужую душу. Другъ дѣлаетъ насъ довѣрчивѣе къ жизни, онъ дѣлаетъ насъ лучше, напоминаетъ намъ о долгахъ, онъ участливо относится къ нашему зловью, къ нашей работѣ, къ нашимъ планамъ и цѣлямъ. Другъ можетъ осыпать насъ похвалами, это насъ не смущаетъ; онъ можетъ журить и порицать насъ; мы за это не сердимся. Когда другъ молчитъ,—мы его понимаемъ.

Для того, чтобы быть кому-либо истиннымъ другомъ, нужна возвышенная, любящая и стойкая душа. Надо умѣть много прощать, многое забывать, многое терпѣть. Послѣ материнства ничего въ мірѣ не требуетъ столько жертвъ, какъ дружба. Ей отдають не только время и чувство, но и свои силы; иной разъ приходится и жизнь отдавать за друга. Никогда не слѣдуетъ спѣшить съ дружбой; но разъ вы нашли друга, молитесь о томъ, чтобы ни жизнь, ни смерть, ни недоразумѣнія, ни разстояніе не становились между вами и вашимъ другомъ, нарушая святость вашего мира. Будьте терпѣливыми, добрыми и владѣющими собой для того, чтобы осторожно и тихо идти передъ вашимъ другомъ; вѣдь такъ много спосововъ и возможности огорчить его.

Будемъ вѣрны нашимъ друзьямъ и въ свою очередь будемъ вѣрны въ ихъ вѣрность. Любовь не подозрительна и не придиричава; она рада вѣрять. Нѣтъ болѣе отраднѣйшей и подкрѣпляющей мысли, чѣмъ та, что другъ мой никогда не покинетъ меня, не откажется отъ меня, что онъ и не можетъ и не захочетъ и подумать объ этомъ. Любовь свободна и во времени и въ вѣчности и не нуждается въ искусственныхъ путахъ и въ привязи.

Великое и святое дѣло, когда одна человѣческая душа говоритъ другой: будемъ дѣлить съ тобой и временное и вѣчное въ краткой жизни, данной намъ. Твои радости будутъ моими радостями, твои печальными печальми. И отсутствуя, ты будешь мнѣ близокъ. Гдѣ бы ты ни былъ, ты не будешь настолько далекимъ, чтобы въ сумеркахъ я не слыхала твоего голоса. И пусть насъ раздѣлитъ море и суша, ты все же будешь идти рядомъ со мной и склоняться со мной

для вечерней молитвы. И на разстояніи я буду чувствовать прикосновеніе твоей дружеской руки и буду радоваться твоей любви. Письма твои будутъ дѣлать меня сильнѣе, бодрѣе и радостнѣе. При тебѣ а не знаю страха и мнѣ не надо сдерживаться. Я могу повѣрять тебѣ все самое сокровенное, глубоко затаенное въ сердцѣ. Только при тебѣ я и смѣюсь, и плачу, и не стыжусь этого. Только тебѣ могу я сказать: вотъ я вся передъ тобой, обнаженная, неприкрашенная человѣческая душа. Другимъ видны тѣ или другія стороны моего характера, ты знаешь меня со всѣхъ сторонъ. Въ вѣчности мы найдемъ и иныхъ, болѣе совершенныхъ друзей; я вѣрю въ то, что мы встрѣтимъ ихъ. Но могутъ ли эти лучезарныя, прославленные, совершенныя и бессмертныя существа быть столько-же дорогими и близкими, какъ тѣ души, которыя жили съ нами на землѣ, которыя боролись и страдали подлѣ насъ въ своемъ смѣртномъ образѣ, которыя дѣлили наше горе и радости, охраняли насъ отъ опасностей, ждали съ пламеннымъ нетерпѣніемъ встрѣчи съ нами, ссорились, мирились съ нами и были намъ вѣрны до смерти.

Вмѣстѣ съ дружбой будемъ надлежащимъ образомъ цѣнить *страданіе*. Жизнь, протекающая безъ горя, кажется до страннаго недодѣланной, недоконченной, ничему не научащей. Если человѣкъ не страдалъ не извѣдалъ горя,—онъ никогда не будетъ въ состояніи помочь ближнему, научить, утѣшить его. Человѣкъ, оттолкнувшій отъ себя страданіе, не воспользовавшійся его урокомъ, всегда будетъ жестокимъ и холоднымъ; а человѣкъ, наученный горемъ, будетъ мужественнымъ и исполненнымъ благородной и святой любви. Безъ темныхъ тѣней горя жизнь была-бы черезъ-чуръ яркой и ослѣпительной. Разочарованія въ жизни неизбѣжны. Каждой изъ насъ предстоятъ жизненные удары, можетъ быть, острое горе. Но будемъ помнить, что горе—великій учитель, уясняющій намъ многое. При томъ всякое горе проходить.—«Посмотрите», говоритъ одинъ прощательный наблюдатель,—«какой ничтожный, *маленькій* слѣдъ оставляетъ въ жизни человѣческой самое *большое* горе». Онъ не хотѣлъ сказать этими словами, что вліяніе горя ничтожно, но думалъ, что всякая человѣческая жизнь слишкомъ велика для того, чтобъ горе могло поработить, поглотить ее. Будемъ помнить, что нѣтъ на свѣтѣ горя новаго, неизвѣданнаго. Не придется намъ переживать того, чего люди уже не перенесли, не пережили раньше насъ. Мысль эта должна смягчать для насъ вопли страданія. И можемъ ли мы роптать когда-нибудь на свою долю, если вокругъ насъ безчисленное количество тоскующихъ сердецъ, такихъ же чувствительныхъ, вѣрныхъ, любящихъ, какъ и наши, не разбилось, не дало побѣдить себя страданію, которое сейчасъ угнетаетъ насъ? Не лучше-ли намъ, въ свою очередь, отнести къ своему страданію еще храбрѣе и мужественнѣе, чѣмъ тѣ, что шли передъ нами, и своимъ примѣромъ

дать мужество и силы тѣмъ, что пойдутъ за нами и понесутъ то-же горе, встрѣтятся съ тѣмъ же страданіемъ. Каждый день благородно и терпѣливо перенесеннаго горя дѣлаетъ жизнь болѣе достойной. Каждая горькая слеза, мучительно пролитая нами, придаетъ больше глубины и нѣжности нашему взгляду, когда онъ обратится на чужое горе съ тѣмъ, чтобъ облегчить его. Горе посылается намъ не только для того, чтобы мы грустили и плакали, а для того, чтобы, настрадавшись, натерпѣвшись и наплакавшись, научились понимать чужое страданіе, утѣшать, любить и благословлять людей.

Но крѣпче всего будемъ держаться за *вѣру*. Что пользы въ правильномъ и разумномъ примѣненіи нашихъ силъ и способностей, коли мы стоимъ въ жизни не твердо, въ потемкахъ, не уяснивъ себѣ смысла и значенія настоящей жизни, ни того, что послѣдуетъ за нею. Христіанская вѣра даетъ человѣку ключъ къ блаженству и святости. Она отворяетъ намъ жемчужныя ворота, вводящія насъ въ вѣчность. Сильная, глубокая, неугасимая вѣра въ Бога даетъ намъ возможность смотрѣть безъ страха на конецъ нашей временной жизни и помогаетъ прожить жизнь достойно и не бесплодно»-

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. М. Колобовъ.

PER PEDES APOSTOLORUM.

(Поѣздка въ Кетмень-Тюпу).

Весною 1905 года въ одинъ изъ воскресныхъ дней послѣ литургии, церковный староста спросилъ меня: «можно-ли продать одному человѣку десять вѣнчиковъ, возлагаемыхъ на покойниковъ?» Привыкши къ тому, что вѣнчики берутся только тогда, когда Богъ посылаетъ покойника, и берутся обычно по одному, староста былъ въ понятномъ недоразумѣніи, когда у него спросили сразу десять вѣнчиковъ. Въ это время ко мнѣ подошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, загорѣвшій, очевидно слѣлавшій нелегкій путь, такъ какъ и платье его и обувь говорили это. Въ рукахъ у него былъ пучекъ восковыхъ свѣчей фунта въ три, въ мѣшочкѣ—ладанъ. Онъ тоже просилъ продать ему десять вѣнчиковъ. Отъ этого человѣка я узналъ, что онъ житель русскаго селенія въ мѣстности подъ названіемъ Кетмень-Тюпа, ферганской области, лежащей на югъ отъ Димитріевки, въ 4—5 дняхъ пути черезъ горные перевалы. Кетменьтюпинецъ рассказывалъ, что живетъ ихъ тамъ одиннадцать семей, занимаются хлѣбопашествомъ, отчасти, зимою—охотою; рѣки у нихъ полны рыбой, въ горахъ масса разныхъ фруктовъ: яблокъ, абрикосовъ, орѣховъ и т. п. «Можно-бы жить, заключилъ онъ свою рѣчь, но плохо безъ священника: есть некрещенныя дѣти, покойниковъ хоронимъ безъ

отпѣванія. Хорошо—были вѣнчики и свѣчи, а теперь все вышло и вотъ меня послали возобновить запасъ».

Подивились мы разказу пришельца, дали ему вѣнчиковъ, прибавили отъ себя крестиковъ и отпустили съ миромъ. Это въ первый разъ я услышалъ, что за тѣми горами, снѣжными вершинами которыхъ мы любуемся изъ Димитріевки, есть люди и люди русскіе.

Почти въ тоже время, какъ и въ 1906 г., тотъ-же человекъ явился ко мнѣ и въ 1909 г. И опять въ воскресенье. Я замѣтилъ его за литургіею въ церкви. Опять онъ взялъ свѣчей, ладану, сдѣлалъ кое-какія покупки на базарѣ и снова исчезъ въ горахъ. Какъ и въ 1905 году, онъ жаловался, что народъ «тоскуеть» безъ священника, а дѣти дичають.

Съ этого времени не проходило ни одного воскреснаго или праздничнаго дня, чтобы за службою я не вспомнилъ о людяхъ по ту сторону горъ, о людяхъ, которыя «тоскують» безъ священника, безъ службы Божіей...

Мнѣ захотѣлось посѣтить ихъ и помолиться съ ними. Весною 1907 г. мнѣ удалось передать кетмень-тюпинцамъ записку такого содержания: «если кетмень-тюпинцы желаютъ, то димитріевскій причтъ посѣтитъ ихъ; для этого надо просить епископа, чтобы онъ разрѣшилъ причту отлучиться въ Кетмень-Тюпу и прислать въ Димитріевку проводниковъ».

Въ отвѣтъ на мое письмо, девятаго мая явились ко мнѣ двое жителей Кетмень-Тюпы, которые должны были служить проводниками. Когда я спросилъ ихъ, желаютъ-ли кетмень-тюпинцы, чтобы димитріевскій причтъ посѣтилъ ихъ, они со слезами отвѣтили, что не смѣли и мечтать о такомъ счастьѣ.

11 мая они уѣхали въ Ауліэ-ата и отъ имени священника телеграфировали преосвященному Димитрію: «Жители селенія Кетмень-Тюпа, ферганской области, слезно просятъ димитріевскій причтъ посѣтить ихъ, отпѣть покойниковъ, окрестить дѣтей, повѣнчать браки, всѣхъ причастить. Благословите причту исполнить ихъ просьбу». Отвѣтъ былъ: «Выѣзжайте, литургируйте. Епископъ Димитрій». Посланцы возвратились въ Димитріевку, но ѣхать было невозможно, такъ какъ шли проливные дожди день и ночь.

Все же мы съ о. діакономъ стали готовиться въ путь. У меня былъ составленъ реестръ вещей, которыя мы должны были взять съ собою. Стали все укладывать, запаковывать. Бралось только самое необходимое, потому что проводники настойчиво совѣтовали не обременять лошадей. Изъ предметовъ богослужебныхъ взято было самое легкое ветхое священническое облаченіе, учебный часословъ, акаѳистникъ. Хорошую службу сослужилъ имѣвшійся въ церкви ящичекъ для Евангелія и Креста. Въ этотъ ящичекъ мы кромѣ того вложили св. антиминосъ, разогнутую звѣздицу, крошеч-

ный пузырекъ Св. Муро, кисточку для помазанія Св. Муромъ, ножнички для постриженія крещаемыхъ. Священные сосуды тщательно завернуты были въ чистый холстъ.

Только 23 мая, послѣ напутственнаго молебна въ церкви, мы могли выбраться въ дорогу.

Въ виду того, что кратчайшій путь въ Кетмень-Тюпу былъ еще закрытъ снѣгомъ, мы отправились кружной дорогой. День 23 мая мы ѣхали по сносной колесной дорогѣ вверху по рѣкѣ Таласу. Ѣхали въ бричкахъ. Насъ провожала большая компания димитріевцевъ. Проѣхали верстъ 35—40. Дальше дорога становилась все хуже. Да и вечерѣть стало. Рѣшили остановиться на ночлегъ. Стали на берегу Таласа. Киргизы дали намъ хорошую юрту для ночлега, въ которой мы расположились. Немного спустя, киргизы привели баранчика, чтобы заколоть его намъ на ужинъ. День былъ постный (среда), на утро мясо было взято нами изъ Димитріевки, поэтому я просилъ киргизъ оставить баранчика живымъ. Однако дѣло оказалось не такъ просто. Киргизы обидѣлись и стали допрашивать меня: не думаю-ли я, что баранчикъ худой, тогда какъ онъ очень жирный. Съ трудомъ растолковали гостепріимнымъ хозяевамъ, что мы отказываемся отъ ихъ баранчика не потому, что онъ худъ, а потому что не желаемъ, чтобы наше первое посѣщеніе ихъ соединено было безъ всякой нѣжды съ лишеніемъ жизни такого хорошенькаго животнаго.

Таласъ, переполнившись водою отъ дождей, шумѣлъ и ревѣлъ, катя огромные камни, какъ мячики. Направо, въ горахъ, висѣли темныя, тяжелыя тучи, иногда прорѣзываемыя молніею. А надъ нами блестѣли и мигали ясныя звѣздочки и какъ говорили: «путь къ людямъ, тоскующимъ безъ священника, мы сдѣлаемъ вамъ яснымъ, свѣтлымъ и покойнымъ!»..

24 мая. Четвергъ. Поднялись въ 4½ ч. утра. Матушка, жена о. діакона, жена церковнаго старосты, провожавшія насъ, встали еще раньше и приготовили чай и соорудили нехитрый завтракъ. Напившись чаю, закусили. Хорошимъ аппетитомъ никто не могъ похвалиться, не потому только, что было очень рано, а потому что и уѣзжающіе и провожающіе сознавали, что предстоитъ путь тяжелый, неизвѣстный, могшій подарить массой не всегда пріятныхъ сюрпризовъ. Разложили, выровняли выюки. Стали сдѣлать лошадей. Увязали на лошадей выюки. Потомъ помолились Богу и стали прощаться съ провожавшими насъ. Последнюю минуту я былъ очень огорченъ, когда матушка и церковный староста противъ моего желанія привязали таки къ моему сѣдлу мой тулупъ, которымъ я мало пользовался и зимою. Жаръ былъ до 30° R., а у меня за сѣдломъ красовался огромный тулупъ.

Было 7 часовъ утра. Мы тронулись въ путь, а провожавшіе

насъ остались еще на мѣстѣ привала. Они долго махали намъ шапками и платками.

Спутники мои: о. діаконъ, два проводника и поѣхавшій съ нами изъ любопытства агентъ К^о Зингеръ, котораго мы для краткости звали «Зингеромъ», молчали. Каждый старался получше устроиться въ сѣдлѣ. Задача эта для меня была нелегкою, потому что я почти никогда не ѣздилъ верхомъ. А тутъ еще этотъ отвратительный тулупъ! Какъ было-бы хорошо, если-бы его не было!

День былъ великолѣпный. Ъхали мы лѣвымъ берегомъ р. Таласа прямо на востокъ. Мѣста—чудныя. Горы шли справа и слѣва. Въ иныхъ мѣстахъ онѣ сближались до разстоянія не болѣе сотни—двухъ сажень.

Въ 12 ч. слѣдали привалъ. Лошадей пустили на траву. Сами собрали кураю, вскипятили чайникъ и напились чаю. На первомъ же привалѣ обнаружилась наша неопытность, какъ путешественниковъ. Только одинъ я взялъ съ собою хорошее, мягкое ременное путо для лошади, остальные путники, не запасшіеся путами, должны были вязать своихъ лошадей «чѣмъ попало». Отъ этого лошадь Зингера, наприм., начала страдать на ноги съ перваго же дня: ей перетерло веревкой на ногѣ кожу до крови.. Закусили сами и въ 2 ч. выступили дальше.

Мѣстность,—что дальше, то живописнѣе. Горы были покрыты зеленой травою. Вездѣ табуны лошадей и другого скота. По дорогѣ, между прочимъ, встрѣчались огромныя заросли растенія, извѣстнаго подъ названіемъ «сиссыкъ-кульскій корень» (сильнѣйшій ядъ). Однажды шли такую зарослью около получаса времени. Въ 5 ч. своротили въ ущельѣ направо. Прошли имъ съ полчаса. Оказалось проводники наши ошиблись. Пришлось возвратиться назадъ и еще съ часъ идти вверхъ по Таласу. Наконецъ снова своротили въ ущелье. Дорога пошла очень замѣтно въ гору. Стало холодно. Лошади устали. Поднялись по ущелью верстъ пять и остановились для ночлега.

Горы справа, слѣва и впереди были покрыты арчей и роскошной травой. Внизу шумѣла р. Большой Чичканъ (Чичканъ-мышь). Чудный воздухъ. Спутники мои и я—пришли въ восторгъ: ничего подобнаго по красотѣ мы никогда не видѣли. Стали налаживать чайникъ. Я тѣмъ временемъ собралъ и принесъ дровъ. Между прочимъ нашелъ и принесъ какой-то кустарникъ очень крѣпкій, который запылалъ, какъ смола. Проводникъ разсказалъ, что дерево это особенно не любятъ киргизы и жгутъ его немилосердно, потому что у нихъ сохранилось преданіе, что когда однажды Магометъ попалъ въ руки своихъ враговъ, то именно палочкой этого дерева они проткнули отверстие въ носу Магомета, чтобы вдѣть туда арканъ, какъ дѣлаютъ верблюдамъ. За разговорами время прошло незамѣтно. Готовъ чай. Напились, поужинали провіантомъ, взятымъ изъ дому и улеглись спать на травѣ подъ открытымъ небомъ.

25 мая. Пятница.—Встали въ 5 ч. утра. Скорѣе стали разводять огонь, грѣть чай. Спутники мои жаловались, что ночь плохо спали, такъ какъ было очень холодно. А я благодарилъ матушку и церковнаго старосту, заставившихъ меня взять тулупъ, подъ которымъ я не чувствовалъ никакого холода. Встали не поздно, но выѣхали съ ночлега только въ 7½ ч. у. Ночью у проводниковъ убѣждали ихъ лошади и пришлось больше часу искать ихъ. Моя лошадка, никогда не бывавшая въ горахъ, жаловалась на ноги... Придется пожалѣть ее и побольше идти пѣшкомъ.

Въ 8¾ ч. утра мы вступили на сплошной снѣгъ. И какая-же масса его! Казалось никогда не стоять ему. Лошади стали проваливаться въ снѣгъ и падать. Приходилось идти пѣшкомъ. Дальше шоль подъемъ все круче и круче. Уже всѣ шли пѣшкомъ. Не шли, а вѣрнѣе,—плелись. Мы шли прямо на какую-то высочайшую снѣжную стѣну, верхушку которой закрывали облака и я тщетно искалъ въ этой стѣнѣ какого нибудь прохода. Наконецъ я спросилъ проводниковъ: «гдѣ же мы пройдемъ?» «А вотъ черезъ эту гору»,—отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, указывая на страшную бѣлую стѣну. Это и былъ переваль, который называется «Джаргартъ».

Сердце у меня заняло отъ ужаса. Спутники мои тоже пали духомъ.

Въ 10¾ ч. начался самый крутой подъемъ. Боже! что это за страсть! Шли по глубокому снѣгу, внизу котораго была вода. Лошади скользили, увязали въ снѣгу, падали, вставали и опять падали. Мы тоже падали, ползли на четверенкахъ. Никто не обращалъ вниманія на то, если падая зачерпывалъ сапогомъ воды, или снѣгу. Иной падеть и ползеть аршина три—четыре по мокрому снѣгу. Въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, сколько тутъ смѣху, шутокъ, остротъ посыпалось-бы. Теперь-же всѣ и ко всему были равнодушны. Всѣхъ занимала только одна мысль: выбраться, скорѣе выбраться изъ этой страсти! Случись здѣсь буранъ и мы погибли.

Въ изнеможеніи мы не сѣли для отдыха, а прямо падали, иной разъ лицомъ въ снѣгъ, лишь-бы только не видѣть этой страшной дороги.

А изъ снѣгу тамъ и тамъ торчали кости лошадей, не одолѣвшихъ перевала и павшихъ на пути.

Головы кружились. Страшно было смотрѣть внизъ, а что-то тянетъ глянуть. Глянешь—тянетъ упасть. Лошади дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

Мы раздѣлились. Я, Зингеръ и два проводника ушли впередъ, а о. діаконъ нѣсколько отсталъ: ему хотѣлось сдѣлать съ насъ фотографическій снимокъ. Голось о. діакона, бывшаго отъ насъ на разстояніи не менѣе версты, слышенъ былъ намъ такъ, какъ-бы о. діаконъ находился въ 20—30 шагахъ отъ насъ. О. діаконъ сдѣлалъ снимокъ. Мы оставили одного проводника поджидать его, а сами

съ другимъ ушли дальше. Впереди шель Зингеръ, за нимъ я, сзади проводникъ. Лошадь Зингера поскользнулась, упала, сшибла съ ногъ хозяина и стала ползти внизъ. Мы съ проводникомъ помогли имъ подняться и пошли дальше.

Трудность пути увеличивалась буквально съ каждымъ шагомъ. Дышать было нечѣмъ. Сдѣлаешь три шага и—отдыхъ. Вдругъ какой-то странный шумъ поразилъ нашъ слухъ. Такихъ звуковъ я еще на слыхалъ въ природѣ: будто тысячи людей повторили одинъ звукъ ч!ч!ч!. Мы остановились и стали смотрѣть кругомъ. Вдругъ нашъ проводникъ что-то закричалъ, указывая въ право, а самъ бросился впередъ. Снизу второй проводникъ отчаяннымъ голосомъ предупредилъ насъ объ опасности: съ вершины горы на перерѣзъ намъ шель снѣжный обвалъ. «Видимая смерть страшна»,—говоритъ малороссійская пословица. Страхъ придалъ намъ силъ. Бросились мы за проводникомъ впередъ и обвалъ прошелъ сзади насъ. Если попасть подъ обвалъ, то гибель была неизбежной. Но благодаря тому, что шумъ производимый движущимся снѣгомъ, предупреждаетъ объ опасности, да и движеніе снѣга не быстрѣе средняго бѣга лошади, то если не потерять присутствія духа, избѣжать опасности было не трудно.

Въ одномъ мѣстѣ моя лошадь поскользнулась, упала и, тщетно стараясь встать, стала спускаться внизъ. Напрасны были усилія мои и проводника поднять ее: она билась и ползла все дальше и дальше въ пропасть, заполненную снѣгомъ. Наконецъ и мы выбились изъ силъ. Стоимъ мокрые, уставшіе. Передъ нами лежитъ совершенно здоровая, но встать не можетъ. Проводникъ сталъ снимать вьюки. Потомъ снимаетъ сѣдло. Я спрашиваю: «для чего снимать сѣдло, которое не очень тяжело?». «А можетъ быть, батюшка, придется лошадь совсѣмъ здѣсь бросить», отвѣтилъ мнѣ проводникъ,—«видите снѣгу: что дальше, то толще; лошадь можетъ уйти подъ снѣгъ». У меня слезы полились изъ глазъ. Лошадь, служившую мнѣ нѣсколько лѣтъ, любимую свою лошадь я оставлю на гибель! И какъ я буду безъ лошади.

Въ это время я слышу снизу крикъ проводника, котораго мы оставили съ о. діакономъ. Онъ кричалъ: «не тащите лошадь за уздечку—она пропадетъ; дайте ей отдохнуть и поднимайте ее за хвостъ: если она встанетъ задними ногами, то передними ей легко будетъ встать!»

Дали мы лошади минутъ пять отдыха и вцѣпились ей въ хвостъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, она наконецъ встала. Мы вывели ее осторожно на тропу и стали сѣдлать и вьючить. Съ сердца у меня свалилась большая тяжесть.

Тронулись дальше. А Зингеръ уже стоялъ на вершинѣ перевала,

махалъ шляпой и кричалъ, чтобы мы скорѣе выбирались къ нему. Сзади насъ прошелъ еще обвалъ.

Въ 12½ ч. дня и я вышелъ на переваль. Вышелъ, глянулъ на другую сторону и... ужаснулся: спускъ былъ еще круче, чѣмъ подъемъ!.. Глянулъ внизъ на о. діакона, а облако набѣжало и скрыло его. Облако прошло. Посмотрѣлъ въ бинокль: лошадь о. діакона лежитъ, о. діаконъ стоитъ совершенно безпомощный, а проводникъ бьется съ его лошадыю. Я попросилъ проводника спуститься внизъ на помощь о. діакону. Проводникъ ушелъ. Я сѣлъ на камень и осмотрѣлся. Мы были на площадкѣ аршина четыре ширины, аршинъ семь длины. Внизу по обѣ стороны блѣбли верхушки горъ. Облака плыли ниже насъ, то закрывая, то открывая видъ внизъ. Значитъ мы поднялись выше облаковъ! Да не только мы, а съ нами и лошади! Я глянулъ на свою лошадь. Она стояла опустивъ голову чуть не до снѣгу, бока у нея запали, ноги дрожали. «Дорого, милая, и тебѣ достался переваль», подумалъ я.

Въ это время снизу послышался отчаянный крикъ. Я не имѣлъ силы посмотрѣть туда, чувствуя, что тамъ произошла катастрофа. Закрывши лицо руками я молился въ душѣ, чтобы Господь помиловалъ моихъ спутниковъ... Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ въ полной тишинѣ. Что значить эта тишина, послѣ такого отчаяннаго крика: погибли, или живы?

Слышу голосъ своего проводника: «Господи! Царица Небесная! Матерь Божія!»... Я открылъ глаза: проводникъ выбрался на вершину, слезы бѣжали у него по лицу и бородѣ, онъ дрожалъ и былъ смертельно блѣденъ... Я не могъ спросить, что произошло... Немного спустя, вижу—на площадку поднимается о. діаконъ и его проводникъ. Оба блѣдные взволнованные. «Бить надо такихъ, какъ ты», обратился проводникъ о. діакона къ моему. Оказалось, на нихъ пошелъ огромный обвалъ. Въ то время какъ проводникъ о. діакона, болѣе опытный, быстро сообразившій, что уставшій о. діаконъ не успѣетъ убѣжать отъ обвала впередъ, скомандовалъ отступать внизъ, мой проводникъ все-таки бросился вверхъ, произведя тѣмъ нѣкоторое замѣшательство въ такое время, когда одна минута промедленія могла стоить жизни.

На вершинѣ мы отдохнули минутъ пятнадцать. Съѣли по кусочку хлѣба. Потомъ закрѣпили вьюки и стали спускаться. Пять шаговъ—и мы перешли изъ Сыръ-Дарьинской области въ Ферганскую! Надо было спѣшить, потому что, по примѣтамъ проводниковъ, съ минуты на минуту могъ пойти снѣгъ. Опять падали мы и лошади. Такъ какъ лошадей вели въ рукахъ, то опасность была еще и въ томъ, что лошадь, упавши, могла придавить и хозяина, потому что съ ужасной крутизны она должна была падать прямо впередъ. Зингеръ вздумалъ пустить свою лошадь свободно, полагая, что она

пойдетъ за нами, а самъ хотѣлъ итти сзади. Но лошадь его сбилась съ дороги и пошла въ сторону. Всѣмъ намъ по-поясъ въ снѣгу пришлось путешествовать, чтобы глупое животное обратить на путь истинный. Самъ Зингеръ при этомъ долженъ былъ выслушать немало всякаго рода пожеланій включительно до предположенія, что лошадь и хозяинъ стоятъ другъ друга.

Въ 3 ч. 30 м. по пол. спустились на площадку, свободную отъ снѣга, и рѣшили дать отдыхъ себѣ и лошадямъ. Живо вскипятили чайникъ, напились чаю и въ 4 ч. 30 м., въ виду наступающаго дождя, пустились въ путь. Бѣдныя лошадки! Онѣ устали и ничего не ѣли.

Проводникъ о. діаконъ, Николай, зналъ по дорогѣ пещеру, въ которой мы могли спастись отъ дождя. Но дойти до нея намъ не удалось. Пошелъ дождь. И дождь особенный: лить, какъ изъ ведра, упадетъ капля, а мокрое пятно ладоню не закроешь! Понятно, при такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ меньше, чѣмъ въ часть, не только одежды наши, но кажется и кожа—были пропитаны дождемъ. Я сначала спасался подъ зонтомъ, но сильный вѣтеръ заставилъ меня закрыть его. Уже стемнѣло. Голодные, уставшіе, мокрые, на уставшихъ и голодныхъ лошадяхъ, которые въ этотъ день шли около 12 часовъ... Какими жалкими и безпомощными были мы въ то время! Только одинъ Николай не палъ духомъ и немного поддерживалъ насъ. «Вотъ, Богъ дастъ, дойдемъ до пещеры, тамъ есть дрова, разведенъ огонь, согрѣемъ чаю; и лошадямъ въ пещерѣ мѣсто найдется; нѣтъ травы, дадимъ имъ выстояться и скормимъ имъ послѣдній овесъ; вотъ Богъ дастъ—скоро, скоро»—разсуждалъ вслухъ Николай. Мы слушали его молча и все ѣхали, ѣхали, нетерпя надежды провести ночь въ сухомъ мѣстѣ.

Наконецъ тропинка уткнулась въ рѣку и лошади стали. Отъ дождей, таявшаго снѣгу рѣка переполнилась водою. Николай отправился искать мостъ. Минуть черезъ пятнадцать онъ возвратился и сообщилъ намъ: «мостъ унесло водою!» Боже мой! Какое тягостное впечатлѣніе произвело на насъ это краткое, но для насъ полное самаго трагическаго смысла сообщеніе! «Мостъ унесенъ водою». Это значило: мочи меня, дождь, сколько твоей душѣ угодно! Рѣку можно было обойти, но для этого надо было подняться на страшный утесъ. Даже нашъ неустрашимый Николай нашелъ, что ночью это очень опасное дѣло и мы общимъ голосомъ рѣшили остановиться тутъ на ночлегъ. Было 9 ч. вечера.—Въ кустахъ лежалъ огромный камень. Наломали мы въ кустахъ палокъ, приставили ихъ къ камню. Нарвали травы, прикрыли ею палки. Закрыли все сверху потниками отъ сѣделъ. А дождь лить еще сильнѣе. Уже мы нисколько не береглись его. Ломаемъ вѣтки, капли дождя падаютъ съ нихъ за воротникъ,—ничего! Рвемъ траву, становимся на колѣни чуть не въ

лужу.—Пустяки!—Какъ ни какъ шалашъ, а устроили. Залѣзли въ него, постлали подъ себя мой тулупъ и стали укладываться на ночлегъ. Проводники устроились съ другой стороны камня, прикрывшись моимъ зонтомъ.

Утѣшая совершенно павшаго духомъ о. діакона, я уснулъ. Проснулся приблизительно черезъ часъ, почувствовавъ подъ собой воду. Вода бѣжала и по спинѣ. Поднялся, поднялъ и товарищей: о. діакона и Зингера. Эти тоже были мокрые. Къ Зингеру забралась еще подъ бокъ, бѣжавшая съ нами собака. Вся мокрая, грязная—она совершенно разстроила Зингера. Рѣшили състь и сверху прикрыться моимъ совершенно мокрымъ тулупомъ. Такъ и сдѣлали: съли спина съ спиной и накрылись тулупомъ. Когда не чѣмъ было дышать, поднимали нѣсколько одинъ край и впускали свѣжаго воздуха. Разговоръ какъ-то не клеился. Мысли наши часто витали въ Димитріевкѣ, гдѣ наши присные спали теперь въ сухихъ теплыхъ постеляхъ. Но мысли эти нисколько не облегчали нашего непріятнѣйшаго положенія.

До утра уже не спали. Дождь лилъ и лилъ. Я со страхомъ думалъ, что буду дѣлать, если дождь не перестанетъ и утромъ: у меня ничего не осталось сухого, вода чувствовалась даже въ сапогахъ. Но, слава Богу, въ 3 ч. утра дождь, мочившій насъ больше девяти часовъ сряду, пересталъ.

Взошло солнце и мы, мокрые, вылѣзли изъ своего убѣжища. А проводники спали, прикрывши головы зонтомъ. Разутыя ноги ихъ покоились въ лужѣ воды. Подъ головами лежали ихъ сапоги. Я за нихъ благодарилъ Бога, давашаго имъ такой хорошій сонъ. Они же такъ устали, все время услуживая то тому, то другому изъ насъ.

26 мая. Суббота. Чтобы согрѣться, я пошелъ на переваль, который намъ предстояло сдѣлать, обходя рѣку. Но и восхождение на очень крутую гору не согрѣло меня. Тогда я сталъ сталкивать съ тропинки камни и наблюдать какъ стремительно и красиво прыгали они съ крутизны. Съ часъ трудился и только чуть сталъ согрѣваться. Снизу кричали мнѣ, что готовъ чай. Я спустился. Дали лошадямъ послѣдній овесъ. Сами напились чаю и въ 8½ ч. у. отправились дальше.

Съ лошадью Зингера ночью случился казусъ. На ней былъ недоуздокъ изъ веревки, который по лѣности хозяина никогда съ лошади не снимался. Отъ дождя недоуздокъ сжался и такъ затянулъ лошади ротъ, что она только любовалась на великолѣпную траву, ѣсть-же ее не могла. А мы ночью еще обратили вниманіе, почему лошадь Зингера не ржетъ, какъ въ предыдущія ночи. Рѣшили, что она увлеклась травой... Пришлось дать ей усиленную порцію овса, а хозяину такую-же порцію нравоученій на тему: недоуздокъ, когда въ немъ нѣтъ нужды, непременно надо снимать, иначе, если пой-

детъ дождь и проч. и проч., или же дѣлать его просторнѣе...

Такъ какъ дорога шла по краю обрыва страшной глубины, то мы съ о. діакономъ побоялись сѣсть на лошадей и до 12 час. дня шли пѣшкомъ. Отецъ діаконовъ шутилъ, что мы по истинѣ не можемъ сказать, ѣздили въ Кетмень-Тюпу, потому что до сихъ поръ по крайней мѣрѣ треть пути шли пѣшкомъ.

Въ 12 ч. остановились въ красивѣйшей мѣстности у рѣки. Трава, лѣсъ, птички поютъ, вода шумитъ, солнышко грѣетъ... Рай и только! Разулись, раздѣлись и принялись все сушить. При осмотрѣ вьюковъ, оказалась разбита одна бутылка съ церковнымъ виномъ. Было двѣ. Рѣшили приложить всѣ старанія, чтобы оставшуюся бутылку сохранить цѣлой, иначе придется за виномъ посылать обратно въ Димитріевку. Проводники согласились вести эту бутылку поочередно за пазухой. И, слава Богу, довели ее въ цѣлости.

Въ 3 ч. по пол. обсушившись и закусивши, пошли дальше. Снова направился было дождь, но скоро пересталъ.

Шли долиною, покрытою лѣсомъ, Все, что я видѣлъ до сего времени въ природѣ красиваго и величественнаго, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я увидѣлъ тутъ. Водопады, красивыя группы деревьевъ, живописныя скалы, причудливой формы камни, величиною съ огромный домъ,—такъ все и просилось на картину. Ели ужасающей высоты и толщины. Березы, ясени, тополь—все это невиданныхъ мною до сего времени размѣровъ. Казалось, что Богъ собралъ все самое красивое въ природѣ и заключилъ въ этихъ неприступныхъ горахъ! Масса лѣсу лежитъ и гниетъ. Но больше того въ тысячу разъ стоитъ темной стѣной и поражаетъ свѣжестью и красотой. Лошади съ трудомъ двигались въ этомъ дѣвственномъ лѣсу, иногда останавливаясь и какъ-бы задумываясь надъ преграждавшимъ дорогу упавшимъ великаномъ: перешагнуть тебя, или обойти, какъ будто спрашивали себя.

Въ одномъ мѣстѣ пришлось обходить утесъ по мостику, устроенному вдоль рѣки саженой на двадцать. Еле живой мостикъ мѣстами чуть виднѣлся въ водѣ, которой еще прибыло отъ послѣдняго дождя. Мы съ о. діакономъ многозначительно переглянулись и пошли на мостикъ.

Внизу съ страшной быстротой мчится вода вся бѣлая пѣной, слѣва нависшая скала—не видно вершины, а подъ нами мостикъ, гнушійся, какъ резина...

На ночлегъ пришли въ одинъ аулъ. Знакомый Николаю киргизъ далъ намъ юрту. Напились чаю, поѣли какой-то киргизской снѣди изъ муки и мяса и, не раздѣваясь, улеглись спать. Спали, какъ убитые. А дождь лилъ снова всю ночь напролетъ.

Слава Богу, что намъ нашелся хоть тѣсный и не очень чистый, но сухой пріютъ!

27 мая. Воскресенье. Въ Димитріевкѣ увѣрены, что мы уже въ Кетмень-Тюпѣ, а мы еще далеко отъ нея. Я вышелъ изъ юрты. Николай всталъ раньше и что-то съ увлеченіемъ толковалъ, собравшимся вокругъ него, киргизамъ. Я прислушался. Онъ рассказывалъ имъ, кто мы и зачѣмъ ѣдемъ. Меня онъ называлъ большмъ священникомъ, о. діакона—священникомъ поменьше, Зингера—богатымъ купцомъ. Ѣдемъ мы, чтобы помолиться съ русскими, которые живутъ внизу. А Зингеръ будетъ торговать. (Дѣйствительно, онъ торговалъ у насъ свѣчами и ладаномъ). Киргизы внимательно слушали Николая и повторяли: хорошо, хорошо. Очевидно пѣль нашей побѣдки была для нихъ понятна.

Недалеко отъ аула мы переѣзжали наканунѣ ручей. Я пошелъ туда, умылся и тамъ-же помолился Богу.

Такъ какъ было очень сыро, а въ лѣсу съ деревьевъ лилась дождевая вода, то мы выѣхали только въ 8 ч. у. Дорога опять въ значительной части шла головоломными утесами, но, не смотря на большіе концы, она была все-же сносною. Въ одной долиинѣ попался большой камень величиною съ порядочный домъ. Онъ былъ неправильной круглой формѣ. Въ камнѣ были ходы съ отверстиями наружу, какъ окнами. Мы забрались въ этотъ камень и немного отдохнули. Жалѣли, что не попалось такого камня, когда мы мокли полсутокъ подъ дождемъ. Славное убѣжище отъ дождя было-бы и намъ и лошадамъ.

Около 12 ч. д. вышли къ посѣвамъ киргизъ. Пройдя еще немного, у одной сакли, сдѣлали приваль.

Хотя дорога стала и лучше, но мы съ о. діаконѣмъ очень много шли пѣшкомъ, такъ что добравшись до привала попадали плажомъ. Черпая воду изъ бѣжавшаго рядомъ маленькаго ручейка, мы обратили вниманіе на множество какъ будто золотого песку на днѣ ручья. Зингеръ воображилъ, что это настоящее золото и уже готовъ былъ организовать предпріятіе для разработки золотоноснаго песку. Я разочаровалъ золотопромышленника, сказавши, что нашъ золотой песокъ ничего общаго съ золотомъ не имѣетъ. Въ оренбургской губерніи, въ рѣченкахъ башкиріи, мнѣ часто случалось видѣть такой золотой песокъ. Все таки Зингеръ взялъ этого песку въ бумажку. Потомъ онъ его выбросилъ.

Въ 2 ч. д. пошли дальше. Николай увѣрялъ насъ, что если мы «наляжемъ на лошадей», то еще засвѣтло будемъ въ Кетмень-Тюпѣ. Время отъ времени мы и налегали, и пробѣжали версту—другую рысцою, чего раньше ни разу себѣ не могли позволить изъ опасенія сломить щео себѣ и лошади. Въ 5 ч. в. переѣзжали вбродъ очень быструю и глубокую рѣку Бала-Чичканъ. Я зачерпнулъ воды въ калоши, Зингеръ на маленькой лошаdkѣ набралъ воды въ сапоги, а о. діаконъ переправилъ на лошади проводника, такъ какъ на своемъ «виноходѣ» онъ переправляться не рѣшился.

Въ 6 ч. в. въ бинокль можно было разглядѣть селеніе Кетмень-Тюпу, цѣль нашего пути.

Мѣстность, въ которую мы вступали, представляла ровную долину верстъ въ 30—40 длины (съ с.-востока на ю.-з) и верстъ 20—25 ширины. Кругомъ горы, которыя только въ двухъ мѣстахъ разступились не много: въ одномъ впустили въ долину рѣку Нарынъ, въ другомъ выпустили ее отсюда.

Сталъ накрапывать дождикъ. Не хотѣлось пріѣхать въ Кетмень-Тюпу мокрыми и мы пустили лошадей во всю. Въ 6 ч. 30 м. веч. миновали русско-гузетное училище.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. Іоаннъ Оувейскій.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ДУХОВНАЯ БЕСѢДА“

(м. Паволочь, Кіевской губ.).

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

Вы удостоили Вашимъ вниманіемъ мою замѣтку, помѣщенную мною въ прошломъ году въ „Туркестанскихъ Епарх. Вѣдом.“, подъ заглавіемъ *«Плачь, стонъ и горе»* (Проповѣдники у насъ и за границей), напечатавъ ее въ приложеніи къ Вашему журналу, и именно въ выпускѣ № 1-мъ „Проповѣдническаго Обзорнія“ за сей 1909 годъ.

Надѣюсь, что Вы продолжите Ваше вниманіе ко мнѣ тѣмъ, что назовете эту замѣтку тѣмъ именемъ, подъ какимъ она была мною помѣщена въ „Турк. Е. В.“ и подпишите ее моей подписью, которую Вы почему-то опустили, замѣнивъ ее ничего неговорящими: *Т. Е. В* и безъ вносныхъ знаковъ.

Исправленіе это Вы сдѣлаете, если напечатаете это письмо на страницахъ „Проповѣд. Обзорнія“. Требованіе это основано на авторскомъ правѣ. Примите и проч.

Г. Вѣрный, 1909 г.

Остіарій.

Общая и епархіальная хроника.

☞ „По священству“... Лѣтомъ 1908 года ауліе-атинскій мировой судья разбиралъ одно близко касающееся о. о. духовныхъ дѣло. Мнѣ случилось быть въ камерѣ судьи, когда оно разбиралось. Опишу его подробно.

Осенью 1905 г. одинъ крестьянинъ села Александровки Ауліеат. у., живущій лѣтъ пятнадцать въ с. Димитріевкѣ того-же уѣзда, обратился къ Димитріевскому причту съ просьбой повѣнчать его сына съ Димитріевской-же дѣвицей. Невѣста оказалась по метрической книгѣ 13 лѣтъ и бракъ, конечно, повѣнчанъ быть не могъ.

Когда родственники невѣсты (круглая сирота) усумнились въ томъ, что та-

кой крупной дѣвицѣ только 13 лѣтъ, священникъ показалъ имъ самую метрическую книгу и указалъ въ ней запись акта о крещеніи невѣсты.

Тогда родственники жениха и невѣсты придумали и устроили такую комбинацію. Они обратились съ просьбою о повѣнчаніи брака къ Священнику села Александровки, а о невѣстѣ заявили ему, что записи акта крещенія ея не нашлось въ метрическихъ книгахъ, представивши удостовѣреніе за подписью трехъ крестьянъ, что ей 16 лѣтъ.

Попросту говоря, родственники жениха и невѣсты учинили мошенничество.

Случайно дѣло это стало извѣстнымъ Духовной Консистоіи, которая и привлекла къ отвѣтственности лицъ, подписавшихъ удостовѣреніе о совершеннолѣтіи невѣсты.

На судѣ родственники жениха и невѣсты подѣ присягою показали, что имъ ничего не было извѣстно о несовершеннолѣтіи невѣсты, что никто ничего имъ объ этомъ не говорилъ.

Не смотря на то, что свидѣтель-священникъ с. Дмитріевки указалъ судѣ двухъ изъ нихъ, которымъ онъ показывалъ даже метрическую книгу, изъ которой явствовало, что невѣстѣ только 13 лѣтъ, судья оправдалъ всѣхъ обвиняемыхъ.

Законъ въ лицѣ Ауліэатинскаго судьи объявилъ такимъ образомъ ненаказуемыми мошенничество и ложное показаніе подѣ присягой, разѣ эти художества имѣютъ своимъ объективомъ духовный чинъ и священные акты имъ совершаемые.

Еще интересная подробность.

Судѣ очень хотѣлось, чтобы священникъ-свидѣтель далъ подписку, что свое показаніе онъ по требованію Суда подтвердить присягою. Когда этотъ священникъ заявилъ ему, что лица, носящія Священный санъ, даютъ Суду свои показанія безѣ присяги, неся отвѣтственность за свои показанія, какъ за даннныя подѣ присягой, судья открылъ подысканную имъ раньше статью закона и прочиталъ: „не допускаются къ присягѣ: малолѣтніе, несостоятельные должники, умалишенные“... А священники, значить допускаются. Можно оказывается мѣшать два совершенно опредѣленныхъ термина „не допускаются“ и „освобождаются“.

Другого священника-свидѣтеля судья все-таки убѣдилъ дать указанную выше подписку и тотъ далъ..

В. Россовъ.

Ученическая исповѣдь. Епископъ Андрей затрагиваетъ въ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ большую сторону русской школьной жизни.

Рѣчь идетъ „о великой ненормальности обязательной ученической исповѣди у своихъ собственныхъ законоучителей“.

„Утверждаю, говоритъ пастырь, что это—величайшая общепедагогическая ошибка и, что важнѣе величайшее несчастье въ религиозномъ отношеніи. Сегодня мальчикъ сознательно не говоритъ правды духовнику, а завтра съ двойнымъ сознательнымъ грѣхомъ идетъ приобщаться св. таинъ и мало-по-малу начинаетъ быть безобразнѣйшимъ продуктомъ педагогической грубѣйшей ошибки.“

Дѣло въ томъ, что мнѣ приходится уже не одинъ годъ быть неофициальнымъ духовникомъ многихъ несчастныхъ дѣтокъ, которыя потихоньку и отъ своего официального духовника, и отъ своихъ родителей прибѣгаютъ ко мнѣ, такъ сказать, для бѣловой исповѣди. Своему духовнику они говорятъ кое-что, а самое дурное, наиболѣе тяготящее ихъ совѣсть, они скрываютъ отъ своего законоучителя духовника... И худшіе такъ и приступаютъ ко св. приобщенію съ сознательнымъ обманомъ, а лучшіе—тѣ, послѣ многихъ мученій, бѣгутъ искать настоящаго духовника.

И мое глубокое убѣжденіе, что современную обстановку казенной ученической исповѣди нужно измѣнить. Я знаю многихъ прекрасныхъ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній; они—прекрасные люди и учителя, но начальнику быть духовникомъ своего ученика совершенно; невозможно и нынѣшнюю исповѣдь нужно замѣнить какъ можно скорѣе исповѣдью учениковъ въ семейной обстановкѣ, предоставить ученикамъ право исповѣдываться у лучшихъ духовниковъ или у болѣе

уважаемых городских священников, любимых родителями, а не случайных молодых законоучителей, которые очень часто сами не знают как им вести себя в качестве духовников и совершенно не могут кѣмъ-либо руководить“.

☞ **Левъ Толстой объ о. Іоаннѣ.** Въ только что вышедшемъ въ Москвѣ въ свѣтъ международномъ толстовскомъ Альманахѣ, составленномъ П. Сергѣенко, **О Толстомъ**, Б. Мироновъ, въ своей замѣткѣ „Свиданіе съ Толстымъ“, приводитъ нѣскольکو словъ, посвященныхъ Л. Н. Толстымъ о. Іоанну Кронштадтскому.

Разговоръ шелъ между авторомъ этой замѣтки, Л. Н. Толстымъ, его супругой Софіей Андреевной и бывшимъ тутъ же фабричнымъ.

— А вы читали, Левъ Николаевичъ, въ газетахъ рѣчь Іоанна Кронштадтскаго? — спросилъ фабричный.

— Да... и она мнѣ даже понравилась: какъ это онъ ругаль — ругаль меня, а въ концѣ концовъ все-таки сказалъ: „аминь“.

— Но онъ, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ этотъ Іоаннъ Кронштадтскій! — сказала Софія Андреевна. — Говоритъ: „апостолы и пророки чудеса дѣлали и я, грѣшный, творю чудеса“.

— Миѣ все-таки тяжело, что онъ имѣетъ на меня зло, — проговорилъ грустно Левъ Николаевичъ.

— А почему онъ имѣетъ на васъ зло? — спросилъ фабричный.

— Вѣроятно изъ за „Воскресенія“, сказала Софія Андреевна. — Хотя онъ человѣкъ мало очень читающій и мало образованный... Впрочемъ, лично я ничего противъ него не имѣю. Въ голодный годъ онъ прислалъ мнѣ 200 рублей и написалъ очень любезное письмо... (стр. 121.)

Какъ все же жаль, что только грустнымъ воспоминаніемъ объ о. Іоаннѣ ограничился Л. Н.! Отчего-бы ему не повидиться съ великимъ пастыремъ? Это свиданіе, дѣйствительно, сказалъ бы и духовному міру, что Л. Н. Толстой ищетъ истину... Но не этого искалъ и ищетъ Л. Н. Толстой: Онъ ищетъ того, чего не искалъ о. Іоаннъ.

Ищетъ онъ „славы“ своей... И нашель ее, но потеряль истину...

☞ **Епископъ у Толстого.** Въ печати сообщалось, что тульскій епископъ Парфеній посѣтилъ гр. Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ. Теперь выясняется, что визитъ преосвященнаго былъ случайный. Епископъ Парфеній обозрѣвалъ свою епархію и между прочимъ посѣтилъ школу въ мѣстечкѣ Качакѣ, близъ Ясной Поляны. Послѣ осмотра школы онъ проѣхалъ въ сосѣднюю усадьбу графини Толстой, гдѣ былъ принятъ чрезвычайно внимательно и радушно. За обѣдомъ преосвященный встрѣтился съ Львомъ Николаевичемъ. Бесѣда за столомъ была общая. Затѣмъ епископъ Парфеній бесѣдовалъ съ графомъ Толстымъ на единѣ два часа. Вскорѣ послѣ этого епископъ уѣхалъ изъ Ясной Поляны.

☞ **Австрія, какъ диаволь.** Въ последнемъ номерѣ „Fortnightly Review“ помѣщена ужасная статья за подписью Viator, трактующая о томъ, что сдѣлала Австрія съ Босніей. Не цивилизація, а сифилизація, вотъ по мнѣнію Viator'a тотъ отвѣтъ, который долженъ быть данъ всякому, кто зайнется о цивилизаторской миссіи Австріи въ Боснии и Герцеговинѣ. Viator — англичанинъ, неоднократно посѣщавшій анексированныя провинціи. Его рассказъ о предумышленной деморализаціи австріяцами несчастныхъ славянъ, которыхъ первые называютъ не иначе какъ „грязныя свиньи“, ужасенъ до крайности. Въ моральномъ отношеніи турки-магометане неизмѣримо выше австрійцевъ католиковъ, которые прибѣгаютъ къ іезуитамъ и проституціи, какъ къ главнымъ средствамъ „умиротворенія“ славянскихъ провинцій.

Viator говоритъ, что население Боснии и Герцеговины ненавидитъ „швабовъ“ отъ всей души. Ихъ ужасъ передъ швабами гораздо больше ихъ прежняго страха турокъ. Можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе слѣдующихъ строкъ статьи Viator'a:

Быть можетъ я не могу ничего лучше сдѣлать, какъ привести свидѣтельство австрійскаго полицейскаго комиссара, который въ моментъ моей встрѣчи съ нимъ, исправлялъ должность префекта одного изъ городовъ аннексированныхъ провинцій. Понося на все мѣстное населеніе за его глупость и лѣность, онъ сказалъ:

Они лишены всякаго нравственнаго чувства. Вы можете купить любую женщину вблизи этаго города.

— Береть ли это начало со времянь турецкаго владычества? сказала я.

О, нѣтъ, засмѣялся онъ. Когда мы впервые пришли сюда, мы совсѣмъ не могли достать женщинъ. Это мы научили ихъ этому. Они были такъ глупы, что раньше даже не знали, что этимъ можно торговать. Мы показали имъ цивилизацію. Теперь всюду по нашей границѣ вдоль Далмаціи, по Савѣ и вокругъ городовъ вы всегда можете купить любую женщину, которая вамъ нравится. Вы мнѣ не вѣрите? Я могъ бы здѣсь купить любую женщину у ея мужа всего за одинъ флоринъ (80 копѣекъ).

Онъ сообщил мнѣ непередаваемые подробности и прибавилъ весело:

— Какъ же иначе была бы возможна оккупация?

И это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, къ которому мѣстныя женщины должны обращаться за провосудіемъ! Это напоминаетъ мнѣ, также прибавляетъ Viator, объ отвѣтъ австрійскаго офицера на вопросъ моего знакомаго англичанина:

— Отчего женщины здѣсь такъ робки? (дѣло касается Герцеговины).

О, я думаю, что онъ все еще помнитъ, какъ мы спустили на нихъ нашихъ солдатъ.

Моральное разрушеніе страны, — вотъ самое тяжелое обвиненіе, предъявленное славянами къ австрійской оккупации. „Свѣтъ“.

Видно правда, что гдѣ появится іезуитъ, тамъ дьяволу нечего дѣлать. Ред.

Церковное благоустройство Сибири. Синодальный миссіонеръ протоіерей І. І. Восторговъ по Высочайшему повелѣнію командированъ въ Приуральскія епархіи, Западную и Восточную Сибирь по дѣламъ устройства церковнаго быта переселенцевъ, а также въ Пекинъ по дѣламъ миссіи. Поч. Изв.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

Досточтимый о. Редакторъ!

Осенью 1908 года ко мнѣ явились монахины и просили благословенія сдѣлать по селу сборъ на монастырь. Просмотрѣвъ я ихъ документы, нашелъ все въ исправности и благословилъ. Изъ документовъ между прочимъ я узналъ, что монахины эти изъ Саратовской епархіи, сборъ пожертвованій въ Туркестанской епархіи былъ разрѣшенъ имъ нашимъ владыкою Димитріемъ на одинъ годъ. Черезъ часъ монахины снова пришли ко мнѣ съ просьбой дать имъ одноконную телѣгу для сбора хлѣбомъ. Ихъ телѣга была неисправна, а у крестьянъ телѣги только пароконныя. Моя телѣга была занята, но я указалъ сборщицамъ крестьянина, у котораго была одноконная телѣга, которую онъ давалъ сборщикамъ. Я предупредилъ монахинь, что крестьянинъ даетъ телѣгу только за плату и обѣщаль запла- тить, что онъ положить.

Прошелъ день, два. Время бы уже монахинямъ кончить съ сборомъ и явиться ко мнѣ, если не для записи собраннаго въ книгу, чего нѣкоторые сборщицы иногда и не дѣлаютъ, то хоть за обѣщанною мною платою за телѣгу, тѣмъ болѣе, что я зналъ: крестьянинъ даромъ ея никогда не дастъ. Но монахинь такъ и не явились.

Почему онѣ не пришли? Задавалъ я себѣ вопросъ. Случайно я узналъ это и узналъ слѣдующее.

Монахины наняли телѣгу и пошли по селу. Только что онѣ вышли навстрѣчу мнѣ Димитріевскій волостной старшина. Ничтоже сумняся, онъ запрѣтилъ монахинямъ сборъ въ Димитріевкѣ и приказалъ немедленно убраться изъ села.

Несчастныя монахини оробѣли и, даже не зайдя ко мнѣ убрались изъ Дмитріевки.

Во что обратиться Епископское разрѣшеніе сборщикомъ, благословеніе священниковъ, если въ одномъ селѣ старшина, въ другомъ—староста, въ третьемъ еще какая нибудь власть, не взирая на разрѣшеніе и благословеніе, станеть гнать сборщиковъ въ шею?

Между тѣмъ для разныхъ проходимцевъ Дмитріевка-гостепримнѣйшее пристанище. „Волчки“,—такъ зовутъ тутъ административно-ссылныхъ, являются сюда цѣлыми компаніями, живутъ тутъ съ разрѣшенія старшины недѣлями, собирають телѣгами обильныя жертвы, пьянствуютъ, дерутся, устраиваютъ скандалы.

Село Дмитріевское Ауля-ат. у. Священникъ **Іоаннъ Ошвейскій.**

Сыр-Дар. обл. 6 февр. 1909 г. **Отъ ред.** Слѣдуетъ просить Еп. На-во о привлеченіи Старосты къ отвѣтственности за превышеніе власти.

ЧѢМЪ ЗАНИМАЛИСЬ ЖИДОВСТВУЮЩІЕ ХРИСТІАНЕ ВЪ МИНУВШІЙ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Двѣнадцатаго марта я заглянулъ въ полученные мною туркестанскія газеты, просмотрѣлъ въ нихъ отдѣлъ увеселеній.

Горькою скорбью объято было мое сердце отъ тѣхъ сообщеній о веселіи, которыми веселились наши, такъ называемые христіане...

Прочти, дорогой читатель...

Вотъ тебѣ первая афиша, непечатанная аршинными буквами...

„Г. Вѣрный. Въ Субботу 14 марта 1909 года въ помѣщеніи Вѣрненскаго Общественнаго Собранія вѣрненскимъ музыкальнымъ обществомъ данъ будетъ концертъ. Половина чистаго сбора съ котораго будетъ отчислена родительскому комитету при женской гимназіи въ плату за правоученіе недостаточнымъ учащимся. Въ исполненіи концерта примутъ участіе: Г. Г. М. І. Грязнова, М. Н. Воронкова, К. А. Васильева, А. П. Мировъ, И. В. Тугаринъ, С. А. Маньковъ, Н. В. Сенченко, К. И. Гольцмайеръ, Я. В. Крачмеръ, Н. Ф. Соллогубъ, и В. Г. Степановъ. **Начало коцерта въ 8 час. вечера.** По окончаніи концерта танцы до 2 час. ночи. Предсѣдатель общества А. Васильевъ.

Этотъ коцертъ былъ устроенъ тѣмъ вѣрненскимъ Родительскимъ Комитетомъ при женской гимназіи, который большинствомъ голосовъ въ текущемъ учебномъ году отвергнулъ предложеніе о прочтеніи публичной лекціи о **необходимости борьбы съ порнографіей.** Уже это не тотъ-ли же самый Комитетъ, который въ годы освободительнаго движенія въ лицѣ одного изъ своихъ сочленовъ, частнымъ образомъ обратился къ мѣстному Епископу за разрѣшеніемъ—допустить танцы въ **гимназической церковной залѣ,** надъ которой высится церковный куполь...

Замѣтимъ, что въ этомъ коцертѣ выступали, какъ дѣятельные участники и представители мѣстнаго педагогическаго міра.

Заглянулъ я въ газету „Асхабадъ“, полученную въ тотъ же день. Хотѣлось посмотреть, какъ веселятъ постомъ Закаспійскіе христіане.

Тамъ, въ г. Асхабадѣ, кромѣ армянскаго театра, и театра „Модернъ“, ставившаго спектакли 26, 27, 28 февраля, въ пятницу 27 февраля въ „Велосипедномъ клубѣ“ состоялся „**Большой семейно-танцевальный вечеръ**“ при участіи струннаго и балалаечнаго оркестровъ о-ва „Спортъ“ и балетной труппы А. П. Забойкиной. I. Представлено пьеса на трехъ языкахъ „**Картъ-Картъ**“, II. **Валетъ** подъ управленіемъ А. П. Забойкиной; исполнены будутъ разнохарактерные **національные танцы***). III. При участіи артиста С.-Петербуржскихъ театровъ г. Смоленскаго представлено: „**Школьная пара**“, вод. въ 1. д. IV. **Разнохарактерный дивертисментъ.** Послѣдняя новинка Парижа—танецъ Поло-поло, Матчишъ съ куплетами, имитация цыганскихъ романсовъ, русская пѣсня „Полосынька“, „Крункъ“. Послѣ спектакля **танцы.** Начало въ 8½ час. вечера.

*) Вѣроятно жидовскіе.

Въ Ташкентѣ, по словамъ какого-то Мироньча, изъ Турк. Вѣдом.

„Въ четвергъ, 26 февраля, въ залѣ общественаго собранія артисты труппы Бестриха—г-жа Бернадская и гг. Сангурскій и Полевой, возвратившись изъ турне по городамъ Самаркандской и Ферганской области, дали намъ возможность еще разъ насладиться прекраснымъ пѣніемъ.

Публики, несмотря на симпатичную цѣль и обыкновенную (?) отзывчивость (?) еврейской колоніи къ благотворительности, было маловато.

Завтра предполагается вернуться товарищество Извольскаго, намѣчена постановка „Трагедіи глухихъ людей“ и „Ихъ четверо“ Иванъ Мироньчъ.

Здѣсь хоть откровенно сознаются, что кромѣ жидовъ, христіанской публики было маловато...

Не даромъ же такъ неистово жидовствующіе христіане и съ озлобленіемъ нападаютъ на дѣятельность Союза Русскихъ людей... Знаютъ, гдѣ укрѣпляется молчаливо, поруганная русская сила...

Вѣдь коренные русскіе люди въ великій постъ не пойдутъ плясать трепака... Это могутъ сдѣлать только іудеи, да ихъ прихвостнии...

Пора, давно пора Русскому человѣку проснуться отъ спячки и указать всей бѣснующейся по гостамъ въ пляскахъ нечести, свое мѣсто...

Встань проснись, подымись,

На себя погляди:

Что ты былъ и что сталъ,

И что есть у тебя?..

Н о т о.

Содержаніе неофициальной части: Христоръ воскресъ.—М. Колобовъ. Вѣрненскій женскій монастырь. М. Колобовъ.—Поѣздка въ Текмень-Тюпу. І. Ойвейскій.—Открытое письмо. Остиарій.—Епархіальная и общая хроника.—Письмо въ редакцію. Россовъ.—Чѣмъ занимались жидовствующіе христіане въ минувшей великій постъ. Ното.—Объявленія.

Отвѣтственный редакторъ, свящ. М. Колобовъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

СЪМЕНА

ОГОРОДНЫЯ,
ЦВѢТОЧНЫЯ, СЕЛЬСКОХОЗ.
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
ИСПЫТАННОЙ ВЕЖОЖИ
ПРЕДЛАГАЕТЪ

Ю. К. РОТѢ
СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

ОДЕССА, ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ПАССАЖЪ.
Иллюстрированный каталогъ—
съ 500 рисунками высылается
БЕЗПЛАТНО.
Духовенству 10% скидки.

Принимается подписка на 1909 г.

на ежемѣсячный журналъ церковно-общественной жизни, науки и литературы

„ХРИСТІАНИНЪ“.

Адресъ редакціи: Серіевъ Пасадъ Московской губ.

Редакторъ-Издатель, Ректоръ Духовной Академіи, Епископъ Евдокимъ.

Годовая цѣна 5 руб. со всеми приложеніями.

Подробное объявленіе см. № № 1 и 2 Турк. Епарх. Вѣд.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1909 годъ на слѣдующія дѣтскія изданія
„ЖУРНАЛА-ШКОЛЫ“

I) „Журналъ-Школа“ 2-е изданіе для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ (старшій возрастъ). 48 вып. журнала богато иллюстр. и изящно-изданныхъ и около 100 особыхъ приложений, въ томъ числѣ: 12 выпусковъ „Дѣтскій театр“ съ интересными пьесами, которыя дѣтямъ легко и удобно будетъ разыграть въ любомъ помѣщеніи, 12 выпусковъ „Вокругъ Свѣта“, чрезвычайное путешествіе съ иллюстраціями, которое ознакомятъ дѣтей съ чужими народами и странами. 6 приложений „Маленькій инженеръ“, моделированіе пароводовъ, паровоза, мостовъ. 6 приложений „Руководьльница“—интересныя работы, 12 приложений для рисованія и раскрашиванія, 12 приложений для вырѣзыванія: животныхъ, растений, минераловъ. 12 игръ и развлеченій и т. д., и т. д.

Цѣна на годъ съ доставкой и перес. 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.

II) „Журналъ-Школа“ 1-е изданіе для дѣтей отъ 3 до 6 лѣтъ (младшій возрастъ) 24 выпуска журнала, отпечатаннаго крупнымъ шрифтомъ съ преобладаніемъ интересныхъ картинокъ, стихотвореній, интересныхъ приключеній въ иллюстраціяхъ и около 50 отдѣльныхъ приложений, для вырѣзыванія, складыванія, составленія и т. д. Кромѣ того 12 выпусковъ „Здоровье малютокъ“, помощь матерямъ, распознаваніе болѣзней ихъ предупрежденіе и физическое развитіе дѣтей.

Цѣна на годъ съ дост. и перес. 4 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 руб. 50 коп.

III) Альманахъ „Журнала-Школы“ 12 большихъ выпусковъ, включающихъ лучшія произведенія вмѣстѣ съ упражненіями для развитія и обученія малютокъ, помѣщенныя въ „Журналъ-Школѣ“ за 1907 и 1908 г.г. Альманахъ предназначенъ для г.г. новыхъ подписчиковъ (для дѣтей отъ 3 до 8 лѣтъ) и особенно рекомендуется ихъ вниманію, такъ какъ журналъ за 1907 и 1908 годы въ продажѣ не вмѣстѣся.

Цѣна на годъ съ дост. и перес. 3 руб., на $\frac{1}{2}$ г.—1 руб. 75 коп.

„Журналъ-Школа“ единственное въ Россіи изданіе представляющее соединеніе интереснаго дѣтскаго журнала съ школой обученія и развитія дѣтей. Давая дѣтямъ интересный матеріалъ, журналъ неизмѣнно преслѣдуетъ одну цѣль: въ удобо-воспринимаемой формѣ давать дѣтямъ познанія изъ всѣхъ областей наукъ. Двухлѣтній опытъ доказалъ, что цѣль эта достигается, такъ какъ журналъ нашъ сталъ любимѣйшимъ дѣтскимъ изданіемъ съ одной стороны и заслужилъ множество лестныхъ отзывовъ отъ родителей и педагоговъ съ другой—Отдѣлу юмористики, задачъ и загадокъ удѣляется особое вниманіе. Почтовый ящикъ для дѣтей.

Въ виду предстоящаго повышенія подписной платы на изданія «Журнала-Школы», контора симъ извѣщаетъ, что указанныя цѣны для нея обязательны при подпискѣ до 1-го января 1909 г.

Подробное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Требованія и деньги адресовать: Конторѣ „Журнала-Школы“ Петербургъ, Екатерининскій кап. № 106.

Подписка принимается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Типографія штаба войскъ Семиръч. области.